

юрист
издательская
группа

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
НАУКИ И ПРАКТИКИ

НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ
(БАНКРОТСТВО)

ТРЕТЕЙСКИЙ СУД

НЕМНОГО ИСТОРИИ

№ 5/2020

ISSN 1812-383X

9 771812 383773

АРБИТРАЖНЫЙ И ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС

Арбитражный и гражданский процесс

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЕ И ИНФОРМАЦИОННОЕ ИЗДАНИЕ. Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.
ПИ № ФС77-29216 от 23 августа 2007 г. Журнал выходит с 1998 г. Издается ежемесячно

№ 5/2020

Содержание

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ НАУКИ И ПРАКТИКИ

3 **Селькова А.А.** О месте и роли института *amicus curiae* в российском судопроизводстве

7 **Курочкин С.А.** Реализация законности как важнейшее условие эффективности и справедливости гражданского судопроизводства

12 **Алексеев А.А.** Значение воли сторон при определении компетентного суда в гражданском процессе

16 **Сидоркин С.В.** Отвод судьбы в арбитражном процессе: шаг вперед или элемент единообразия?

21 **Никитин С.В.** Предмет судебной защиты по делам об оспаривании нормативных правовых актов

27 **Кухарева О.А., Юсупова А.Н.** Упрощенные формы рассмотрения и разрешения дел в рамках унификации цивилистического судебного процесса

32 **Соседова М.В.** Возможность применения искусственного интеллекта при рассмотрении отдельных гражданских дел: предсказанное правосудие

38 **Зайков Д.Е.** Исковая давность по требованиям к экспедитору: проблемы толкования и правоприменения

НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ (БАНКРОТСТВО)

43 **Емалтынов А.Р.** Процессуальные аспекты уменьшения размера субсидиарной ответственности в связи с раскрытием информации о контролирурующих лицах

48 **Герасимова О.А.** Оспаривание соглашения об уплате алиментов в деле о банкротстве гражданина

ТРЕТЕЙСКИЙ СУД

52 **Некрасов С.Ю., Бердникова В.В.** Современные проблемы арбитрабельности споров и пути их решения

НЕМНОГО ИСТОРИИ

57 **Тресков А.П.** Принципы судебной власти в России: в продолжение конституционного проектирования

Судьялар олий кенгаши
Судьялар олий мактаби

КУТУБХОНА

Инвентар № _____

_____ 20 _____ йил

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Ярков В.В., доктор юридических наук,
профессор, заслуженный деятель науки РФ

**ЗАМЕСТИТЕЛЬ
ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА,
РЕГИОНАЛЬНЫЙ РЕДАКТОР:**

Долганичев В.В., кандидат юридических
наук, доцент

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Арифалин А.А., профессор, заслуженный
юрист РФ;
Витрянский В.В., доктор юридических наук,
профессор, заслуженный юрист РФ;
Жилин Г.А., доктор юридических наук,
профессор, заслуженный юрист РФ;
Исайчев В.И., заслуженный юрист РФ;
Носырева Е.И., доктор юридических наук,
профессор;
Осокина Г.Л., доктор юридических наук,
профессор;
Ренов Э.Н., кандидат юридических наук,
профессор;
Сахнова Т.В., доктор юридических наук,
профессор;
Треушников М.К., доктор юридических
наук, профессор;
Туманова Л.В., доктор юридических наук,
профессор;
Шерстюк В.М., доктор юридических наук,
профессор;
Юков М.К., доктор юридических наук,
профессор

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР ИГ «ЮРИСТ»:

Гриб В.В., доктор юридических наук,
профессор, чл.-корр. РАО,
заслуженный юрист РФ

**ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА
ИГ «ЮРИСТ»:**

Бабкин А.И., Белых В.С., Ренов Э.Н.,
Платонова О.Ф., Трунцевский Ю.В.

РЕДАКЦИЯ:

Лаптева Е.А., Соловьева Д.В.

**НАУЧНОЕ РЕДАКТИРОВАНИЕ
И КОРРЕКТУРА: Швечкова О.А., к.ю.н.****Учредитель:**

Издательская группа «Юрист»

**ЦЕНТР РЕДАКЦИОННОЙ
ПОДПИСКИ:**

Тел. / факс: (495) 617-18-88
(многоканальный)
E-mail: podpiska@lawinfo.ru
Телефон редакции: (495) 953-91-08

**АДРЕС ИЗДАТЕЛЬСТВА /
РЕДАКЦИИ:**

115035, г. Москва,
Космодамианская наб., д. 26 / 55, стр. 7.
E-mail для авторов: avtor@lawinfo.ru

ПОДПИСНОЙ ИНДЕКС:

Объединенный каталог. Пресса России —
85473;
Почта России. Электронный каталог — П1715.
Подписка на www.lawinfo.ru

Номер подписан в печать: 12.05.2020.

Номер вышел в свет: 20.05.2020.

ISSN 1812-383X

Отпечатано в типографии

«Национальная полиграфическая группа».

248031, г. Калуга, ул. Светлая, д. 2.

Тел.: (4842) 70-03-37.

Формат 170x252. Печать офсетная.

Физ. печ. л. 5,0. Усл. печ. л. 5,0.

Общий тираж 4000 экз. Цена свободная.

Журнал включен в базу данных
Российского индекса научного
цитирования.

Селькова**Анастасия Андреевна,**

заместитель директора Института государственного и международного права Уральского государственного юридического университета, старший преподаватель кафедры гражданского процесса, кандидат юридических наук
beatrrixkiddokill@yandex.ru

DOI: 10.18572/1812-383X-2020-5-3-6

О месте и роли института *amicus curiae* в российском судопроизводстве

Судьялар олий кенгаши
Судьялар олий мактаби
КУТУБХОНА
Инвентар №

В настоящей статье автор обращается к проблеме понимания и функционирования института *amicus curiae* в российском судопроизводстве. Автор акцентирует внимание на неоднозначной оценке института *amicus curiae* в юридической доктрине. Часть ученых предлагает рассматривать правовые заключения в качестве письменных доказательств. Другая часть правоведов критикует данную позицию и считает, что доказательствами могут считаться лишь документы, содержащие сведения об обстоятельствах, а не их оценку.

Помимо этого, автор указывает на отсутствие единообразия в судебной практике относительно правовых заключений. Так, большая часть судей отказывается принимать правовые заключения к рассмотрению и приобщать их к материалам дела. Вместе с тем некоторые судьи изучают представленные правовые заключения и ссылаются на них в текстах решений.

Автор делает вывод о сложной и неоднозначной природе правовых заключений, которые могут использоваться участниками судопроизводства не только как инструмент усиления своей позиции по делу, но и в качестве механизма злоупотребления правом и оказания давления на суд. В этой связи автором предлагается ввести определенные законодательные требования к правовым заключениям.

Тем не менее данное предложение автора не подразумевает лишения правовых заключений некоторых исключительных свойств, таких как самостоятельность и независимость. Благодаря указанным характеристикам правовые заключения исследуются автором с точки зрения их роли в гражданском обществе.

Ключевые слова: правовые заключения, институт *amicus curiae*, позиция по делу, доказательства, гражданское общество.

На сегодняшний день институт *amicus curiae* регламентирован лишь в рамках конституционного судопроизводства. Параграф 34.1 Регламента Конституционного Суда Российской Федерации¹ (далее — КС РФ) устанавливает, что правовое заключение не имеет для КС РФ обязательный характер. Более того, суд может и вовсе не приобщать заключение к материалам дела, не признав за ним содержательной ценности².

В нижестоящих судах также имеется практика приобщения к материалам дела правовых заключений. Однако законодательно она нигде не закреплена. Тем не менее это не мешает участникам

судопроизводства заказывать выполнение правовых заключений по определенным вопросам или по делу целиком. При этом, предлагая суду ознакомиться с результатами такого заключения, участники не могут быть уверены в том, что судья точно приобщит его к материалам дела.

Большинство судей относятся критически к правовым заключениям. Подобное негативное отношение связано с тем, что судьи сами являются специалистами в области права и не нуждаются в получении чьего-либо мнения по правовым вопросам. Вместе с тем некоторые судьи не только довольно охотно изучают правовые заключения, но и ссылаются на них, и даже берут их за основу итогового судебного акта. При этом заключение рассматривается не в качестве доказательства, а как инструмент дополнительного подтверждения позиции участника спора.

То есть фактически правовые заключения не несут самостоятельного дока-

¹ Регламент Конституционного Суда РФ (ред. от 25.10.2018) // СПС «КонсультантПлюс».

² Блохин П.Д. О спорных моментах в понимании института *amicus curiae* и его возможного облика в российском конституционном судопроизводстве // Сравнительное конституционное обозрение. 2015. № 1. С. 130–143.

зательственного значения, являясь лишь документами, усиливающими аргументацию стороны. В этой связи отказ судьи в приобщении правовых заключений к материалам дела выглядит более чем обоснованным.

Все же, несмотря на отсутствие нормативно закреплённого статуса, правовые заключения продолжают довольно часто использоваться юристами для усиления позиции по делу. Действительно, аргументация, подкреплённая мнением ученого-правоведа, воспринимается более весомой, обоснованной и полной. То есть для представителя правовое заключение выступает в качестве дополнительного инструмента обеспечения интересов доверителя.

Еще раз подчеркнем, что даже в тех случаях, когда судьи приобщают к материалам дела правовые заключения, они не рассматриваются как доказательства. Не обладая самостоятельным доказательственным значением, заключение будет составлять часть позиции по делу, усиленную с точки зрения правовой доктрины³. С другой стороны, правовые заключения, которые, как правило, касаются узкоспециальных правовых вопросов, могут быть восприняты судом как своего рода ориентирующий документ, необходимый для более глубокого анализа трудного дела⁴. В целом можно отметить, что задача правового заключения сводится к оказанию содействия суду путем раскрытия содержания закона не просто через его описание, но через анализ практики его применения.

Определённую ценность правовым заключениям придает то, что составляются они независимыми лицами, не имеющими прямой заинтересованности в исходе дела. При этом круг лиц, представляющих заключение, довольно широк и никоим образом не ограничен. В частности, к таким лицам можно отнести:

- некоммерческие и коммерческие организации;
- научные организации;
- граждан;
- отдельных ученых-правоведов.

Относительно содержания правового заключения также не существует жестких требований. Его структура может варьироваться и включать в себя разнообразные элементы. Как правило, правовое заключение состоит из нескольких условных частей:

- сведения о составителе заключения, информация о вопросе, поставленном перед составителем. Чаще всего заключение посвящено какому-то конкретному вопросу либо же содержит обобщение национальной и/или международной судебной практики;
- общее изложение исследуемых документов, фактических обстоятельств или иных аспектов, связанных с рассматриваемым вопросом;
- непосредственно само правовое заключение с изложением проанализированных фактов, раскрытием проблемного вопроса и подходов к его решению. К каждому выводу, как правило, приводится отдельная аргументация.

В качестве инструмента, используемого сторонами по делу в суде, правовое заключение не может быть оценено однозначно как положительное или отрицательное явление. Среди несомненных достоинств правового заключения отметим, что его использование дает возможность всестороннего исследования конкретного вопроса через привлечение независимого и незаинтересованного в исходе дела лица. Помимо этого, правовые заключения являются одной из форм контроля гражданского общества. Также не стоит недооценивать и значимость участия профессионального юридического сообщества в разрешении сложной правовой проблемы⁵.

С другой стороны, участники судопроизводства могут воспользоваться правовым заключением для злоупотребления процессуальными правами,

³ Чайкина А.В. О механизме использования правовых заключений *amicus curiae* судами Российской Федерации // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 7. С. 60–63.

⁴ Бозров В.М. Независимость судьи и доктринально-правовое заключение ученого // Право и политика. 2013. № 11. С. 1508–1510.

⁵ Миргородский Е.Д. Институт «*Amicus curiae*» в российском гражданском процессе // Экономика. Право. Государство. 2018. № 2. С. 49–54.

представляя в суд документ с заведомо необъективным содержанием. Это создает дополнительную нагрузку для суда, удлиняет сам процесс и в конечном итоге может оказать влияние на независимость и беспристрастность суда.

Следует еще раз подчеркнуть отсутствие правового статуса подобной внесудебной экспертизы. Сообразно этому в литературе возникли споры относительно юридической природы и значения правовых заключений.

Отметим лишь некоторые точки зрения правоведов на сущность правового заключения.

Большинство ученых предлагает рассматривать представленное стороной юридическое заключение в качестве письменного доказательства. Обосновывается данное утверждение тем, что доказательственное значение имеется лишь у заключения, созданного в рамках назначенной определением суда экспертизы. Поэтому любые иные результаты, полученные вне этого процессуального порядка, могут быть рассмотрены в качестве письменных доказательств или иных документов. При этом существенное расхождение представленного юридического заключения с заключением, полученным в рамках назначенной определением экспертизы, может послужить основанием для проведения дополнительной или повторной экспертизы.

Противоположный взгляд на природу внепроцессуального заключения основывается на том, что его использование в качестве письменных доказательств противоречит самой сути доказательств, которые должны содержать сведения об обстоятельствах, а не только отражать исключительно результаты интеллектуальной деятельности определенного лица⁶. В этой связи допустимо придавать правовому заключению лишь свойства дополнительного источника доказательственной информации. Действительно, правовые заключения не содержат сведения о фактах, а воплощают в себе результат мыслительной деятельности, конкретную логическую схему исследования,

которая объясняет полученные выводы. Следовательно, даже если в тексте правового заключения и упоминаются сведения о каких-либо фактах, они в любом случае являются результатом интеллектуальной обработки конкретным лицом явлений действительности.

Умолчание процессуальных кодексов о статусе юридических заключений приводит и к неопределенности требований, предъявляемых к такого рода документам. Допустимо предположить, что к правовому заключению можно применять положения о тех данных, которые должны присутствовать в экспертном заключении. Здесь стоит отметить, что фактически юридическое заключение по своему содержанию представляет собой экспертное заключение, но проведенное вне процессуальной формы. При этом различие меж ними будет заключаться, во-первых, в том, что, назначая экспертизу, суд обладает возможностью очерчивать круг вопросов, на которые эксперту предстоит дать ответ, а также повлиять на выбор экспертного учреждения; во-вторых, в отсутствии прямой связи с одной из сторон процесса.

Надлежит отметить, что подобный независимый характер правовых заключений превращает их в один из инструментов гражданского общества, своеобразную форму взаимодействия суда и общества. Это отчетливо заметно при рассмотрении особо резонансных дел, разрешение коих может затронуть интересы значительной группы лиц (представителей профессионального сообщества, обособленной группы).

При этом исключены любые нарушения в отношении гарантий независимости при отправлении правосудия. Поскольку судебная власть не подлежит контролю со стороны остальных ветвей власти, необходимы иные механизмы по отслеживанию ее надлежащей реализации. В этой связи особое значение приобретает контроль общества над правосудием⁷. Являясь одной из форм

⁶ Сахнова Т.В. Судебная экспертиза. М. : Городец, 1999. С. 48.

⁷ Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе : моногр. М. : Норма, 2018. С. 17.

обратной связи между социумом и судом, правовые заключения как по конкретным делам, так и в отношении отдельных вопросов и подходов, сложившихся в судебной практике, должны не только приниматься во внимание судьями, но и быть доступными для ознакомления любому желающему лицу. Тем самым представители общественности получают возможность проверить, разрешен ли спор действительно с учетом всех важных обстоятельств дела, реализована ли главная функция правосудия.

Применительно к данному аспекту нельзя не упомянуть о проблеме повышения доверия к судебной власти, степень которого в современной России вряд ли можно назвать удовлетворительным. Вместе с тем уровень такого доверия напрямую связан с тем, насколько свободно общество (и профессионально-юридическое сообщество, в частности) может выражать свою оценку деятельности судебной системы. При этом к формам такой оценки, помимо самих правовых заключений, относятся публикации в СМИ, дискуссии.

Получение заключения от *amicus curiae* видится весьма полезным, учитывая и то, что суд, который обязан вынести

законное и справедливое решение, объективно не может досконально разбираться во всех правовых вопросах, возникающих при рассмотрении дела и все более усложняющихся по мере возрастания и детализации нормативного массива. Вполне вероятно та ситуация, что суд не будет располагать всей необходимой информацией о существовании спорных правоотношений и регулирующих его нормах права.

В этой связи не стоит абсолютизировать принцип *jura novit curia*, который, безусловно, справедлив, но вряд ли может быть применим к сфере правового регулирования какой-либо чрезвычайно узкой или специфической области общественных отношений.

Тем не менее сказанное не означает, что заключение *amicus curiae* должно быть однозначно судом принято. Оно лишь может донести информацию, раскрывающую специфику спорных отношений, передать конкретное мнение относительно правовых аспектов рассматриваемого дела. В конечном счете заключение от *amicus curiae* обеспечивает суду возможность учесть все правовые последствия при вынесении окончательного акта и гарантировать правильное разрешение спора.

Литература

1. Блохин П.Д. О спорных моментах в понимании института *amicus curiae* и его возможного облика в российском конституционном судопроизводстве / П.Д. Блохин // Сравнительное конституционное обозрение. 2015. № 1. С. 130–143.
2. Бозров В.М. Независимость судьи и доктринально-правовое заключение ученого / В.М. Бозров // Право и политика. 2013. № 11. С. 1508–1510.
3. Миргородский Е.Д. Институт «*Amicus curiae*» в российском гражданском процессе / Е.Д. Миргородский // Экономика. Право. Государство. 2018. № 2. С. 49–54.
4. Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе : монография / Е.Р. Россинская. Москва : Норма, 2018. 576 с.
5. Сахнова Т.В. Судебная экспертиза / Т.В. Сахнова. Москва : Городец, 1999. 368 с.
6. Чайкина А.В. О механизме использования правовых заключений *amicus curiae* судами Российской Федерации / А.В. Чайкина // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 7. С. 60–63.

Курочкин**Сергей Анатольевич,**доцент кафедры теории
государства и права
Уральского государственного
юридического университета,
кандидат юридических наук
tgpr@usla.ru

DOI: 10.18572/1812-383X-2020-5-7-11

Реализация законности как важнейшее условие эффективности и справедливости гражданского судопроизводства

Эффективность судопроизводства определяется целым рядом условий, важнейшим среди которых является законность. Отступление от установленного порядка в угоду субъективной «оптимизации» существенно снижает эффективность судопроизводства, умножает издержки и риски. В статье обосновывается эффективность соблюдения требований законности при рассмотрении дел в суде.

Ключевые слова: гражданское судопроизводство, законность, эффективность, справедливость, судебные издержки.

Результативность судопроизводства определяется факторами, обеспечивающими его функционирование в заданном режиме. Именно они позволяют при рассмотрении и разрешении гражданских дел гарантировать властную реализацию судами правовых предписаний. Цели и задачи гражданского судопроизводства не будут реализованы, если его участниками не исполняются нормы права и не соблюдаются требования процессуальной формы. Важнейшее условие эффективности правосудия по гражданским делам — это законность, безусловное исполнение судом и участвующими в деле лицами установленного законом порядка рассмотрения гражданского дела.

Эффективность гражданского судопроизводства как процессуальной формы властного воздействия на общественные отношения напрямую определяется строгим соблюдением норм как материального, так и процессуального права, законностью. Время от времени ученые предпринимают попытки переосмыслить этот тезис. Так, рассуждая о принципе законности, Н.Г. Елисеев замечает, что это требование существенно смягчается положением, согласно которому процессуальные нарушения, за исключением некоторых исчерпывающим образом перечисленных в законе случаев, не дают оснований для отмены судебного решения, если они не привели или не могли привести к неправильному разрешению дела. Это положение свидетельствует, по его мнению, что цель право-

судия — не соблюдение процедуры, а правильное разрешение дела, и если она успешно достигнута, допущенные при этом нарушения процедуры не должны давать повода для аннулирования полученного результата¹. Подход этот не оригинален. Как известно, существовавшая в 20–30-х годах XX в. теория оправдывала практику некоторых судей, стремившихся «усовершенствовать», «рационализировать» процессуальные правила, оправдывала нигилизм к процессуальным законам и возможность отступления от их содержания². Практика смягчения требования законности довольно скоро себя исчерпала, доказав несостоятельность представления о необязательности процессуальных правил.

Настойчивое желание ученых вернуться к этой дискуссии вынуждает оценить роль законности в обеспечении эффективности судопроизводства. Бесспорно, нельзя согласиться с предложенным Н.Г. Елисеевым толкованием норм ст. 330 Гражданского процессуального кодекса РФ³ (далее — ГПК РФ) и ст. 270 Арбитражного процес-

¹ Елисеев Н.Г. Договорное регулирование гражданских и арбитражных процессуальных отношений : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2016. С. 22.

² См. подробнее: Авдюков М.Г. Принцип законности в гражданском судопроизводстве. М., 1970. С. 37.

³ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 02.12.2019) // СПС «КонсультантПлюс».

суального кодекса РФ⁴ (далее — АПК РФ). Цель судопроизводства — правильное разрешение дела в процессуальной форме, гарантирующей соблюдение стандартов правоприменительной деятельности. Возможно, целью правосудия является правильное разрешение дела без учета соблюдения процедуры, но что позволяет обрести уверенность в том, что эта цель успешно достигнута? Именно процессуальная форма позволяет не ставить под сомнение раз за разом выводы правоприменителя, она обеспечивает качество судебной деятельности и ее результатов. Совершение судом действий в порядке, определенном законом, снижает риски гражданской юрисдикции, редуцирует издержки и, как следствие, повышает эффективность судопроизводства. Процедура ценна не как обряд, а как гарантия качества итогового решения. Отступления от малозначительных формальностей (нарушение порядка судебных прений, необоснованное освобождение лица, участвующего в деле, от уплаты государственной пошлины и т.п.), допущенные судом первой инстанции, исцелимы, но только при условии того, что они не привели или не могли привести к неправильному разрешению дела. Верховный Суд Российской Федерации ориентирует на то, что характер допущенных судом первой инстанции нарушений (формальный или неформальный) определяется судом апелляционной инстанции в каждом конкретном случае⁵. На наш взгляд, только в исключительных случаях допущенные судом первой инстанции процессуальные нарушения могут квалифицироваться как формальные.

Соблюдение установленных правил является ключевым условием эффективности управления в любой системе, прежде всего в социальной. Гражданское судопроизводство — это одна из форм социального управления, под которым принято понимать «сознательное, целенаправленное воздействие людей на общественную систему в целом или на отдельные звенья на основе познания и использования присущих

системе объективных закономерностей и тенденций в интересах обеспечения ее оптимального функционирования и развития, достижения поставленной цели»⁶. Выполнение установленных требований — это первейшее условие эффективности целенаправленного воздействия, попытки же раз за разом переосмыслить согласованный порядок увеличивают издержки и риски, снижают правовую определенность и вероятность достижения цели. Стоит отметить, что законность также выступает и гарантом стабильности достигнутых результатов. «Эффективность судов играет решающую роль в поддержании верховенства права, обеспечивая подчинение закону всех лиц, учреждений и образований, как государственных, так и частных, включая государство, и гарантируя своевременные, справедливые и равные средства правовой защиты»⁷.

Публичная природа судопроизводства определяет постановку задач, решение которых оно обеспечивает. Как форма управляющего воздействия судопроизводство нацелено на реализацию правовых предписаний, обеспечение правопорядка, упорядочение общественных отношений. Неслучайно в доктрине отмечается, что гражданское судопроизводство во все времена признавалось публичной отраслью права потому, что оно обеспечивало правопорядок, который достигался посредством защиты нарушенных прав⁸.

Реализация законности требует подчинения участников судопроизводства требованиям правовых норм. В этих целях любое судопроизводство сконструировано в модели власти и подчинения. Это является условием эффективной реализации судом возложенной на него функции. С.С. Алексеев указывал, что исходные начала публичного права — порядок «власти-подчинения», порядок, в соответствии с которым лица, обладающие властью, вправе односторонне и непосредственно, в принципе без каких-либо дополнительных решений иных инстанций, определять поведение других лиц (подвластных, поддан-

⁴ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 02.12.2019) // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 июня 2012 г. № 13 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции» (п. 39) // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Афанасьев В.Г. Научное управление обществом. М., 1968. С. 109–110.

⁷ European judicial systems. Efficiency and Quality of Justice. CEPEJ Studies № 26. Strasbourg, 2018. P. 237.

⁸ Фурсов Д.А., Харламова И.В. Теория правосудия в кратком трехтомном изложении по гражданским делам. М., 2009. С. 126.

ных), и сообразно этому вся система властно-принудительных учреждений обязана силой принуждения обеспечивать полную и точную реализацию приказов и команд власти, а «все другие» должны безусловно им подчиняться⁹. Такой властью наделен суд — именно его властные акты, отвечающие требованиям законности и обоснованности, обеспечиваются государственным принуждением, именно суд в одностороннем порядке управляет поведением подвластных лиц и в первую очередь — участников производства по делу. Основанный на законе порядок, в соответствии с которым отдельные властные органы наделяются полномочиями определять поведение других лиц, а система всех иных органов власти обеспечивает реализацию вынесенных ими актов, — это необходимое условие действенного правоприменения. На наш взгляд, только при таком статусе правоприменителя распространение норм права на конкретные общественные отношения становится эффективным.

М.Г. Авдюков обоснованно рассматривал как процессуальную обязанность соблюдение законов. Обязанность суда точно и строго применять законы, по его мнению, необходимо рассматривать в двух аспектах: как обязанность перед государством и как обязанность перед лицами, участвующими в деле. Обязанность сторон и других участников гражданского процесса соблюдать процессуальные законы является обязанностью по отношению к суду¹⁰. Выполнение судом и участниками процесса возложенных на них обязанностей в рамках процессуального правоотношения обеспечивает его эффективную реализацию. Требование законности, таким образом, становится условием эффективности судопроизводства и через процессуальные правоотношения.

Законность в гражданском судопроизводстве — это еще и гарантия справедливости судебного разбирательства, обязательный как для участников процесса, так для самого суда стандарт справедливой судебной процедуры. Скажем больше, законность — это важнейшее условие не только эффективности, но и справедливости судебного разбирательства. Примером может

послужить пересмотр судебных постановлений в порядке надзора, осуществляемый *в целях устранения фундаментальных нарушений норм материального права или норм процессуального права*, которые повлияли на законность обжалуемых судебных постановлений и лишили участников спорных материальных или процессуальных правоотношений возможности осуществления прав, в том числе *права на доступ к правосудию, права на справедливое судебное разбирательство на основе принципа состязательности и равноправия сторон*, либо существенно ограничили эти права (ч. 1 ст. 391.11 ГПК РФ).

Сказанное позволяет сделать некоторые выводы о роли законности в достижении эффективности судопроизводства. Законность — это обязательный стандарт справедливого и эффективного разбирательства, фундаментальное условие, обеспечивающее результативное и экономичное управленческое воздействие, разрешение юридического дела судом, вынесение им правоприменительных актов индивидуального характера, действенное распространение действия норм права на общественные отношения.

Скрепками законности в судопроизводстве являются принципы процессуального права. Говоря о том, что руководящие принципы процесса наряду с правом на справедливое судебное разбирательство являются основой процессуальной законности, Л. Кадье делит их на два рода: с одной стороны, принципы справедливости (состязательность, защита, гласность), которые образуют естественное процессуальное право и служат необходимой предпосылкой для понятия справедливого судебного разбирательства; с другой стороны, технические принципы, которые направлены на обеспечение не справедливости, но эффективности процедуры¹¹. Бесспорно, принципы судебного процесса являются основой процессуальной законности, они могут быть разделены по самым разным основаниям, но только не так, как предлагает проф. Кадье. Справедливость и эффективность в судопроизводстве образуют гармоничное единство, не может несправедливый процесс быть эффективным, а справедливым — неэффективным. «Принципы справед-

⁹ Алексеев С.С. Право: азбука — теория — философия. М., 1999. С. 587.

¹⁰ См. подробнее: Авдюков М.Г. Указ. соч. С. 43; и др.

¹¹ Основные начала российского и французского права / под ред. Г.А. Есакова, Н. Мазека, Ф. Мелэн-Сукраманьяна. М., 2012. С. 402.

ливости» равным образом нацелены на эффективность судопроизводства, как и «технические принципы» — на обеспечение законности, а значит, и справедливости разбирательства. Суждения, аналогичные процитированным тезисам, доказывают нецелесообразность раздельного изучения эффективности правосудия, судопроизводства, процесса и процессуального права и убеждают в необходимости разработки комплексной концепции эффективности. Эффективность судебной процедуры неотделима от справедливости ее результатов.

Принято считать, что управленческое воздействие права состоит в предопределении содержания управленческих решений и в оказании организующего воздействия на управляемых лиц, в определении того, что и как они должны или вправе делать¹². Закрепляя регламент совершения процессуальных действий и порядок подготовки и вынесения правоприменительных актов (постановлений суда), процессуальное право предопределяет характер и содержание управленческих решений, формализует стандарты правоприменительной деятельности, минимизирует издержки ошибочных решений, гарантируя соответствующее духу и букве материального закона содержание управленческих правоприменительных актов.

Соблюдение требований законности минимизирует судебные ошибки, что самым благотворным образом сказывается на эффективности судопроизводства. Судебное решение не может быть признано справедливым и правосудным, а судебная защита — полной и эффективной, если допущена судебная ошибка¹³. Как справедливо отмечает Г.А. Жилин, степень эффективности судопроизводства при наличии нарушений будет ниже, даже если они не повлияли на правильность разрешения дела по существу. Особенно негативно они влияют на достижение факультативных целей правосудия, поскольку нарушение закона несовместимо с укреплением законности и правопорядка, предупреждением правонарушений, формированием

уважительного отношения к закону и суду¹⁴. Более серьезно страдает эффективность судопроизводства при существенном нарушении судом правовых требований при рассмотрении и разрешении дела. ... Своевременное устранение судебной ошибки обеспечивает достижение конечных целей судопроизводства, но эффективность правосудия в данном случае существенно снижается, поскольку отодвигается вступление решения в законную силу, а ошибочная деятельность суда отрицательно влияет на авторитет судебной власти, состояние законности и правопорядка¹⁵.

Как соотносятся понятия судебной ошибки и эффективности? По некоторым оценкам, отсутствие реализации целей процессуальной деятельности указывает на наличие судебно-арбитражной ошибки — зафиксированного в судебном акте недостижения при рассмотрении дела универсальных целей процессуальной деятельности арбитражного суда, выявляемого в проверочной инстанции и подлежащего устранению в процессуальном порядке¹⁶. Таким образом, судебная ошибка рассматривается через призму недостижения целей, но такое понимание существенно затрудняет исправление ошибок. На наш взгляд, недостижение целей — это всегда неэффективность, но не всегда ошибка.

Ошибка суда — это всегда отступление от требований законности. Кроме того, судебная ошибка — это во всех случаях издержки, как минимум дополнительные затраты, как максимум — ошибочные решения. Отступления от требований законности повышают издержки, снижают эффективность, а нередко и обесмысливают судебный процесс. Какие процессуальные средства могут быть применены для минимизации судебных ошибок? Современные методы изучения эффективности позволяют сегодня оценить качество судебных процедур, положенных в основу гражданского судопроизводства, с точки зрения их способности минимизировать издержки всех видов. По оценке Конституционного Суда Российской Федерации, право на судебную защиту предполагает наличие конкретных

¹² Дюрягин И.Я. Право и управление. М., 1981. С. 51.

¹³ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 3 февраля 1998 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности статей 180, 181, п. 3 ч. 1 ст. 187 и ст. 192 АПК РФ» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴ Жилин Г.А. Правосудие по гражданским делам: актуальные вопросы. М., 2010. С. 117.

¹⁵ Подробнее см.: Там же.

¹⁶ См. подробнее: Пацация М.Ш. Эффективность процессуальной деятельности проверочных инстанций арбитражного суда: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010. С. 13.

институциональных и процессуальных механизмов, которые позволяли бы реализовать его в полном объеме и обеспечить эффективное восстановление в правах посредством правосудия, отвечающего требованиям справедливости, не нарушая при этом разумный баланс между частными и публичными интересами¹⁷. Достижение и сохранение такого баланса рационализировать процессуальную деятельность. Подчеркнем, реализация законности не исключает анализа процессуальных норм по принципу «затраты — эффективность». Так, например, такой оценке могут быть подвергнуты правила о количестве судей, принимающих участие в рассмотрении дела судом (ст. 14 ГПК РФ, ст. 17 АПК РФ), правила о привлечении к рассмотрению дел арбитражных заседателей (ст. 19 АПК РФ), правила разрешения вопросов судом в коллегиальном составе (ст. 15 ГПК РФ, ст. 20 АПК РФ). Требование о единогласном решении повышает качество судебного решения, снижает издержки ошибок, но повышает издержки разбирательства. По этой причине во многих странах вопросы, возникающие при рассмотрении дела судом в коллегиальном составе, разрешаются судьями большинством голосов.

¹⁷ Постановления КС РФ от 15 января 2002 г. № 1-П; от 25 февраля 2004 г. № 4-П; от 26 декабря 2005 г. № 14-П; от 22 апреля 2013 г. № 8-П; от 13 апреля 2017 г. № 11-П; от 15 ноября 2018 г. № 42-П и др. // СПС «КонсультантПлюс».

Проведенный анализ позволяет говорить об обратной зависимости между издержками судебных ошибок и издержками судебного разбирательства. Многие процессуальные нормы, определяющие необходимость дополнительного совершения процессуальных действий либо устанавливающие условия их совершения, снижают издержки судебных ошибок, но увеличивают расходы на судебное разбирательство, и наоборот. Включение такого рода правил в законодательство должно становиться итогом рационального выбора, обеспечивающего эффективность судебной защиты при неизменном соблюдении законности. Так, например, в арбитражном процессе размер государственной пошлины по делам с участием арбитражных заседателей можно увеличить по сравнению с рассмотрением дела в обычном порядке.

Таким образом, законность, обеспечивающую обязательный для суда и участников процесса стандарт справедливой судебной процедуры, необходимо рассматривать как обязательное условие как эффективности, так и справедливости правосудия по гражданским делам и его формы — гражданского судопроизводства. Соблюдение требований законности позволяет не просто структурировать судебную деятельность, но также снизить процессуальные издержки и издержки ошибочных решений, обеспечить достижение цели при минимальных затратах.

Литература

1. Авдюков М.Г. Принцип законности в гражданском судопроизводстве / М.Г. Авдюков. Москва : Изд-во Московского ун-та, 1970. 203 с.
2. Алексеев С.С. Право. Азбука. Теория. Философия : опыт комплексного исследования / С.С. Алексеев. Москва : Статут, 1999. 709 с.
3. Афанасьев В.Г. Научное управление обществом : опыт системного исследования / В.Г. Афанасьев. Москва : Политиздат, 1968. 384 с.
4. Дюрягин И.Я. Право и управление / И.Я. Дюрягин. Москва : Юридическая литература, 1981. 168 с.
5. Елисеев Н.Г. Договорное регулирование гражданских и арбитражных процессуальных отношений : автореферат диссертации доктора юридических наук / Н.Г. Елисеев. Москва, 2016. 41 с.
6. Жилин Г.А. Правосудие по гражданским делам: актуальные вопросы / Г.А. Жилин. Москва : Проспект, 2010. 576 с.
7. Основные начала российского и французского права : учебник / под редакцией Г.А. Есакова, Н. Мазека, Ф. Мелэн-Сукраманьена ; переводчики: А. Бубнов, И.В. Немцов, А.В. Грядов. Москва : Проспект, 2012. 424 с.
8. Пацация М.Ш. Эффективность процессуальной деятельности проверочных инстанций арбитражного суда : автореферат диссертации доктора юридических наук / М.Ш. Пацация. Москва, 2010. 56 с.
9. Фурсов Д.А. Теория правосудия в кратком трехтомном изложении по гражданским делам / Д.А. Фурсов, И.В. Харламова. Москва : Статут, 2009. 599 с.

Алексеев**Андрей Анатольевич,**

доцент кафедры гражданского права
и гражданского судопроизводства
Южно-Уральского государственного
университета (национальный
исследовательский университет),
кандидат юридических наук
andrey2164@yandex.ru

DOI: 10.18572/1812-383X-2020-5-12-15

Значение воли сторон при определении компетентного суда в гражданском процессе

В статье анализируются роль и место воли сторон при определении компетентного суда или иного уполномоченного на рассмотрение гражданского спора субъекта (третейского суда, медиатора и т.д.). Раскрывается структура содержания гражданского процессуального правоотношения, возникающего при применении института территориальной подсудности. Отмечается, что основой для изменения компетентного суда может выступать только активное поведение заинтересованных лиц (в том числе суда), тогда как их бездействие способствует применению общих положений, предусмотренных законом.

Ключевые слова: гражданский процесс, процессуальные права, процессуальные обязанности, воля сторон.

Как известно, в ч. 1 ст. 47 Конституции Российской Федерации¹ закреплено следующее положение: «Никто не может быть лишен права на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом». Вместе с тем действующее гражданское процессуальное законодательство допускает определение компетентного суда не только путем его прямого указания в законе, но также по выбору истца, ответчика или путем заключения соглашения между участниками спора, в том числе при определении международной подсудности². В этой связи возникает вопрос о соотношении нормативных предписаний и воли участников процесса при определении подсудности гражданских дел, которое неоднозначно трактуется как в теории, так и в судебной практике.

Так, одни авторы отмечают, что право на выбор суда принадлежит заинтересо-

ванным в исходе дела лицам и реализуется только при наличии с их стороны активного поведения, исключая излишнее вмешательство государства в этот процесс. То есть если лица, участвующие в деле, не заявили соответствующих возражений, дело, принятое с нарушением правил подсудности, становится подсудно данному суду. В том числе указывается и возможность на основании соглашения сторон отступить от правил исключительной территориальной подсудности³. Другие авторы, наоборот, требуют строгого соблюдения правил подсудности, особенно в тех случаях, когда она прописана в законе⁴.

Отсутствует единство мнений по этому поводу и в судебной практике. Так, Конституционный Суд Российской Федерации считает нарушение правил подсудности безусловным основанием для отмены

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // СПС «КонсультантПлюс».

² Богданова Н.А. Соглашения о международной подсудности в отечественном правопорядке // Арбитражный и гражданский процесс. 2017. № 2. С. 28–32.

³ Шеменова О.Н. Роль процессуальных соглашений в гражданском судопроизводстве : дис. ... д-ра юрид. наук. Воронеж, 2017. С. 240–241, 248.

⁴ Елисеев Н.Г. Договорное регулирование гражданских и арбитражных процессуальных отношений : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2016. С. 276 ; Кузьмин Р.Е. Конституционное право на судебную защиту в рамках проблемы определения компетенции судов гражданской юрисдикции // Арбитражный и гражданский процесс. 2018. № 3. С. 3–5.

вышестоящими судами решений суда первой инстанции и направления данного дела в тот суд, к подсудности которого оно отнесено законом⁵. В свою очередь Верховный Суд Российской Федерации и ранее Высший Арбитражный Суд Российской Федерации отстаивали позицию, согласно которой реализация права на рассмотрение дела определенным судом в апелляционной или более высокой инстанции ставится в зависимость от целого ряда условий (наличие или отсутствие активного поведения заинтересованных лиц, стало ли результатом нарушения правил подсудности вынесение неправильно по существу решения суда и т.д.)⁶.

Переходя к сути вопроса, следует отметить следующее. Во-первых, ни одно правоотношение не является процессуальным до тех пор, пока в нем отсутствует суд. Во-вторых, предоставление права в том числе рассматривать конкретное гражданское дело определенным судом подразумевает установление и некоторых обязанностей, обеспечивающих его реализацию. В этой связи содержанием гражданского процессуального правоотношения в подобных случаях будет выступать: 1) право истца (ответчика) на выбор суда; 2) обязанность суда принять дело или передать его по подсудности; 3) обязанность ответчика (истца) подчиниться законным

действиям суда. Таким образом, в силу наличия в гражданском судопроизводстве публичного интереса одним из обязанных субъектов всегда будет являться суд.

В частности, по общему правилу иск подается по месту жительства или месту нахождения ответчика (ст. 28 ГПК РФ⁷). Обязанными субъектами в данном случае будут выступать не только заявители, но и суды, решающие вопрос о возбуждении производства и (или) дальнейшем его развитии. При нарушении же данного права заявителем суд обязан по собственной инициативе на этапе возбуждения дела возвратить поступившее заявление (п. 2 ч. 1 ст. 135 ГПК РФ), а на этапах подготовки или рассмотрения дела по существу передать его по подсудности (п. 3 ч. 2 ст. 33 ГПК РФ). Кроме того, инициировать передачу дела по подсудности может и лицо, участвующее в деле, заявив для этого соответствующее ходатайство.

Несколько иное содержание процессуальное правоотношение получает при определении подсудности по выбору истца (ст. 29, 31 ГПК РФ) или при передаче дела по фактическому месту жительства или месту нахождения ответчика (п. 1 ч. 2 ст. 33 ГПК РФ). В отличие от указанного выше случая, решающее значение здесь имеет одностороннее волеизъявление уполномоченных субъектов. В случае с истцом это будет обращение в надлежащий суд, а в случае с ответчиком — заявление требования о передаче дела по месту его жительства или нахождения. Тем не менее право на рассмотрение дела определенным судом по-прежнему реализуется в рамках установленных законом, поскольку выбор возможен только между предложенными законодателем альтернативами: например суд по месту жительства истца или ответчика, по месту причинения вреда и т.д. Обязанным субъектом здесь будет являться суд, возбуждающий или рассматривающий гражданское дело, а также противоположная сторона спора (истец или ответчик).

⁵ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 15 января 2009 г. № 144-О-П «По жалобе Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации на нарушение конституционных прав гражданки Халимбековой Шамалы Шарабутдиновны положениями части 4 статьи 39, статей 270, 288 и 304 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2009. № 4.

⁶ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 июня 2012 г. № 13 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции» // БВС РФ. 2012. № 9; Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 24 марта 2011 г. № 30 «О внесении изменений в Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 28 мая 2009 г. № 36 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в арбитражном суде апелляционной инстанции» // Вестник ВАС РФ. 2011. № 5.

⁷ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 02.12.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 30.03.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

Третий способ определения территориальной подсудности полностью основан на соглашении сторон спора, а передача дела для рассмотрения определенным судом здесь становится одновременно правом и обязанностью всех участников соглашения (будущими или уже существующими истцами и ответчиками). То есть к обязанным субъектам будет относиться не только суд, который должен принять соответствующее заявление к своему производству или вернуть его при нарушении контрагентами принятых на себя обязательств, но и стороны гражданского судопроизводства.

Следует отметить, что в ряде случаев правила альтернативной территориальной подсудности могут тесно переплетаться с другими ее видами, например при рассмотрении дел с участием потребителей. Так, последние, заключая какой-либо гражданско-правовой договор, достаточно часто указывают в нем для рассмотрения возможных споров конкретные суды общей юрисдикции (как правило, привязанные к месту нахождения контрагента). Однако Верховный Суд Российской Федерации разъяснил, что поскольку для потребителя законом установлена альтернативная подсудность, то при обращении в суд подобная его обязанность превращается в право. Другими словами, закрепленный в соглашении сторон суд становится для потребителя еще одним вариантом наравне с другими установленными законом компетентными судами⁸. Обязанными субъектами в подобных ситуациях остаются суды, возбуждающие дела, а также контрагенты потребителей независимо от того, в каком процессуальном качестве они выступают (истец или ответчик). Потребитель же будет вынужден подчиняться выбранной подсудности лишь в случае его привлечения в качестве ответчика.

Помимо подсудности, лица, участвующие в деле, могут определять по своему усмотрению и подведомственность неко-

торых категорий гражданских дел. Например, в период беременности и в течение года после рождения ребенка именно воля жены определяет компетентность суда на рассмотрение дела о расторжении брака⁹. Заключение соглашения об уплате алиментов также лишает суд рассматривать требования об их взыскании (ст. 106 СК РФ¹⁰). И, наконец, за исключением случаев, предусмотренных законом, по соглашению сторон допускается обращение в третейский суд (ст. 22.1 ГПК РФ).

Вместе с тем наличие возможности использования воли лиц, участвующих в деле, для решения отдельных процессуальных вопросов может привести к некоторым сложностям при привлечении в дело соучастников. Множественность лиц даже с одной стороны порождает проблему выбора компетентного суда, которую следует решать по аналогии с положениями п. 2 ч. 2 ст. 33 ГПК РФ, а именно: только общее процессуальное действие или бездействие должно быть основанием для изменения подсудности. При отсутствии такого согласия суд действует на основании закона.

Учитывая сказанное, можно с уверенностью сказать, что предусмотренный законом суд в контексте рассматриваемого конституционного права далеко не всегда означает его прямое указание в законе. Как раз наоборот, сам же процессуальный закон и смежные с ним положения материального права указывают на возможность использования воли участников процесса для определения компетенции органов судебной власти, а также иных лиц (третейских судов, нотариусов и т.д.).

Что же касается соотношения воли сторон и предписаний закона при определении компетентного суда, полагаем, что в случаях его прямого закрепления в рамках институтов подведомственности,

⁸ Пункты 22, 26 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2012 г. № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2012. № 9.

⁹ Пункт 1 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 ноября 1998 г. № 15 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1999. № 1.

¹⁰ Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 06.02.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

а также территориальной и родовой подсудности волеизъявление заинтересованных лиц не имеет значения. Последнее неоднократно отмечалось высшими судебными инстанциями, например в отношении обязательного применения правил исключительной подсудности в делах, связанных с правами на недвижимое имущество¹¹. Однако здесь должна проявляться воля суда, который даже при бездействии сторон обязан передать дело по подсудности, а в ближайшем будущем — и по подведомственности (из суда общей юрисдикции в арбитражный суд). В остальных же случаях допустимо применение воли участников процесса, которая может выражаться как в их действиях, так и в без-

действии. Тем не менее в конечном счете именно поведение суда имеет решающее значение в рамках всего гражданского процесса, поскольку именно он санкционирует действия иных его участников.

Так или иначе, но только активное поведение заинтересованных лиц (в том числе суда) может повлечь изменение компетентного суда, тогда как их бездействие, напротив, способствует обращению в указанный законодателем судебный орган. Последнее справедливо и при пересмотре дела вышестоящими судами — при условии, что решение суда первой инстанции было правильным по существу и участники процесса не пытались ранее инициировать передачу дела по подсудности. Таким образом, рассмотрение дела определенным судом — это не только право, но и обязанность, за неисполнение которой в настоящее время ответственности в прямом смысле этого слова действующим законодательством не предусмотрено.

¹¹ Пункт 2 Постановления Пленума ВС РФ и Пленума ВАС РФ от 29 апреля 2010 г. № 10/22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2010. № 7.

Литература

1. Богданова Н.А. Соглашения о международной подсудности в отечественном правопорядке / Н.А. Богданова // Арбитражный и гражданский процесс. 2017. № 2. С. 28–32.
2. Елисеев Н.Г. Договорное регулирование гражданских и арбитражных процессуальных отношений : диссертация доктора юридических наук / Н.Г. Елисеев. Москва, 2016. 481 с.
3. Кузьмин Р.Е. Конституционное право на судебную защиту в рамках проблемы определения компетенции судов гражданской юрисдикции / Р.Е. Кузьмин // Арбитражный и гражданский процесс. 2018. № 3. С. 3–5.
4. Шеменова О.Н. Роль процессуальных соглашений в гражданском судопроизводстве : диссертация доктора юридических наук / О.Н. Шеменова. Воронеж, 2017. 432 с.

Уважаемые авторы!

Просим вас тщательно проверять перед отправлением в редакцию общую орфографию статей, а также правильность написания соответствующих юридических терминов, соблюдение правил научного цитирования и наличие необходимой информации. Обращаем ваше внимание на то, что автор несет личную ответственность за оригинальность текста, а также за достоверность приведенных данных и точность цитируемых текстов.

**Сидоркин Станислав
Владиславович,**
заместитель председателя
Арбитражного суда
Свердловской области,
кандидат юридических наук
info@ekaterinburg.arbitr.ru

DOI: 10.18572/1812-383X-2020-5-16-20

Отвод судьи в арбитражном процессе: шаг вперед или элемент единообразия?

Предметом рассмотрения данной работы является институт отвода в арбитражном процессе в контексте сравнения действующей процедуры его рассмотрения и процедуры предшествовавшей. Действующая норма права, регламентирующая рассмотрение отвода в арбитражном процессе, аналогична нормам гражданского, административного и уголовного процессов и предписывает судье, рассматривающему дело, самостоятельно разрешать заявленный ему отвод, оценивая его обоснованность для целей обеспечения беспристрастности в разрешении спора. Предыдущая редакция обсуждаемой нормы арбитражного процессуального права предусматривала привлечение к рассмотрению отвода иных лиц, в частности председателя судебного состава, заместителя председателя суда или председателя суда. Статья рассматривает преимущества и недостатки каждой из процедур с позиций их процессуальной эффективности и практической обоснованности.

Ключевые слова: беспристрастность суда, институт отвода, отвод судьи, право заявлять отвод, режим законности.

В науке не единожды отмечалась особая роль суда в реализации процессуальных норм, поскольку суд является единственным субъектом, который наделен возможностью реализовывать процессуальные нормы во всех возможных формах — в частности, путем их исполнения, использования, соблюдения и применения¹. Институт отвода в арбитражном процессе является одной из фундаментальных гарантий обеспечения режима беспристрастности деятельности суда именно для целей реализации процессуальных норм в их полном объеме, а актуальность рассмотрения проблем института подтверждается высоким научным интересом ученых-процессуалистов к его исследованию².

Значимость института отвода в обеспечении законности судопроизводства декларируется в науке. Так, А.В. Наumenков в рамках научного исследования института утверждает, что право на заявление

отвода гарантирует защиту «как частных, так и публичных интересов», с чем сложно не согласиться. Помимо этого, А.В. Наumenков обращает внимание на то, что именно судья является первостепенно заинтересованным «в возможности не рассматривать дело, когда в силу определенных обстоятельств он не может быть беспристрастным при его разрешении»³. Данный взгляд на роль судьи в процедуре рассмотрения отвода как раз находит свое отражение в действующем нормативном порядке отвода в арбитражном процессе.

Институт отвода не является новым для арбитражного процесса. Однако порядок рассмотрения отводов, предусмотренный редакцией ст. 25 Арбитражного процессуального кодекса РФ⁴ (далее — АПК РФ), действие которой введено с 1 октября 2019 г., заставил многих судей взглянуть на этот институт по-иному. В частности, речь идет о судьях, осуществляющих свою деятельность в арбитражных судах с самого начала своего

¹ Ярков В.В. Роль суда в реализации процессуальных норм: некоторые теоретические проблемы // Закон. 2016. № 1. С. 51–62.

² Тай Ю.В., Арабова Т.Ф., Бурдон В. Ле. Отвод судей как гарантия независимости суда // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2014. № 8. С. 131–147.

³ Наumenков А.В. Отвод судей в арбитражном процессе : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 175 с.

⁴ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 02.12.2019) // СПС «КонсультантПлюс».

профессионального пути, которым не приходилось никогда ранее заниматься рассмотрением отводов на самих себя.

Формулировка нормы ч. 2 ст. 25 АПК РФ в редакции, действовавшей до 1 октября 2019 г., исключала любую возможность отводимого судьи участвовать в рассмотрении отвода. Вопрос об отводе судьи, рассматривающего дело единолично, подлежал разрешению председателем арбитражного суда, заместителем председателя арбитражного суда или председателем судебного состава. Подобный подход к разрешению отводов казался достаточно перспективным и наиболее непредвзятым. С таким мнением, вероятно, можно согласиться. Однако в большинстве случаев в отсутствие самоотвода со стороны судьи у руководства суда не имелось достаточных оснований сомневаться в его беспристрастности. Поэтому вполне объяснимо, что большинство заявлений об отводах судей оставались безудовлетворения. При этом сохранялось всеобщее мнение о демократичности такого порядка и непредвзятости в рассмотрении отводов⁵.

Такой точки зрения придерживались те практикующие юристы, которые принимали участие в процессах, рассматриваемых как арбитражными судами, так и судами общей юрисдикции, имея при этом возможность противопоставить и оценить различный порядок рассмотрения отводов. Так, в соответствии с ч. 2 ст. 20 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации⁶ судья, рассматривающий дело единолично, вправе разрешить вопрос об отводе или самоотводе путем вынесения мотивированного протокольного определения без удаления в совещательную комнату. Такая процессуальная возможность появилась с 1 октября 2019 г., однако до этого времени было необходимо выносить письменное определение по результатам рассмотрения отвода. В соответствии с ч. 2 ст. 35 Кодекса административного судопроизводства

Российской Федерации⁷ отвод, заявленный судье, рассматривающему административное дело единолично, разрешается тем же судьей. В соответствии с ч. 4 ст. 65 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации⁸ отвод, заявленный судье, единолично рассматривающему уголовное дело, либо ходатайство о применении меры пресечения или производстве следственных действий, либо жалоба на постановление об отказе в возбуждении уголовного дела или о его прекращении, разрешается этим же судьей.

Несмотря на то, что подобное нормативное регулирование процедуры рассмотрения отводов имело очевидно большее процессуальное распространение, в действительности у участников судопроизводства складывалось необоснованное впечатление о том, что суд, рассматривающий дело, не может объективно рассмотреть отвод, который ему заявлен. Именно по этой причине юридическое сообщество ожидало, что порядок рассмотрения отводов, установленный в арбитражных судах, будет непременно реализован в остальных процессуальных законах.

В действительности реакция законодателя оказалась обратной. С 1 октября 2019 г. ч. 2 ст. 25 АПК РФ претерпела кардинальные изменения. Вопрос об отводе судьи, рассматривающего дело единолично, подлежит разрешению тем же судьей. Заявление об отводе или самоотводе должно содержать указание на одно или несколько оснований, предусмотренных ст. 21 АПК РФ. Такой подход стал неожиданностью не только для лиц, участвующих в арбитражных судах, но и для самих судей. Несмотря на это, данному законодательному решению есть весьма простое объяснение: кто, помимо самого судьи, может с такой же степенью достоверности высказаться о наличии или отсутствии у него заинтересованности в конкретном деле? Обоснованность подхода подтверждается и в науке: «Удовлетворение судьей

⁵ Например, Земляничина Д. Объективность будет ликвидирована // Адвокатская газета. 2019. 29 марта.

⁶ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

⁷ Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ // СЗ РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.

⁸ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 52. Ст. 4921.

отвода самому себе следует скорее рассматривать как проявление его независимости и беспристрастности»⁹. Ведь, рассматривая отводы по ранее действующим нормам АПК РФ, руководство арбитражных судов и председатели их составов фактически выполняли своего рода функции посредника между судьей и лицом, заявившим отвод этому судье.

В период действия нормы об отводах в предыдущей редакции основания для отвода могли указываться самые разные, а проверить их на соответствие действительности не всегда было просто. В особенности это касалось тех ситуаций, в которых отводимый судья не воспользовался правом дать свои пояснения по доводам заявленного отвода. Так, например, судье заявлен отвод по мотиву наличия неприязненных отношений между ним и стороной по делу, возникших в период их обучения в одной школе. В судебном заседании судья, не вспомнив личности стороны, воздерживался от дачи пояснений. Председатель состава при рассмотрении отвода должен был проверить обоснованность такого довода. Каким образом ему следовало это сделать, не являлось в достаточной степени ясным. Метод выяснения у судьи частных обстоятельств, указанных в отводе, не являлся в достаточной мере эффективным, поскольку полученная информация не могла быть процессуально закреплена, а значит, не могла быть использована. Протокол судебного заседания, помимо утверждений стороны, иной информации не содержал. Фактически оставался один вариант разрешения вопроса: отказать в удовлетворении заявления об отводе, сославшись на то, что в обоснование требований о наличии конфликта не было представлено достаточных доказательств. Вопрос о том, насколько это объективно, далеко не однозначен, поскольку лицо, заявившее отвод судье, фактически не лишено права включить в апелляционную жалобу довод о незаконном составе суда и представить доказательства в его обоснование. Напротив, когда в аналогичной

ситуации сам судья рассматривает отвод, он имеет возможность более четко и объективно выяснить все обстоятельства до удаления в совещательную комнату, выслушать вторую сторону и принять правильное решение. При этом он не лишен права дать свои пояснения, а лица, участвующие в деле, — использовать данные пояснения для формирования своей позиции относительно обоснованности заявленного отвода.

Кроме этого, рассмотрение отвода в прежнем порядке выявило ряд проблем. В соответствии с прежней редакцией ч. 2 ст. 25 АПК РФ вопрос об отводе судьи, рассматривающего дело единолично, разрешался председателем арбитражного суда, заместителем председателя арбитражного суда или председателем судебного состава. Соответственно, в случае наличия отводов основное судебное заседание прерывалось на данной стадии. Становилось необходимым определить лицо для их рассмотрения. Для этого необходимо было выяснить, где находится председатель состава и в какое время может рассмотреть отвод. Если он был в отпуске или отсутствовал на работе по иным уважительным причинам, необходимо было определить, кто из заместителей председателя суда может рассматривать отвод, а в случае их отсутствия сам председатель суда был вынужден выходить в судебное заседание и принимать решение по отводу. При этом лица, участвующие в деле, ожидали судебное заседание для рассмотрения требования об отводе и участвовали в его рассмотрении, повторно излагая свою позицию. Безусловно, такая процедура требовала значительных временных затрат и, как правило, приводила к отложению судебного заседания, поскольку предусмотренное для рассмотрения конкретного дела время, как правило, уже истекло. Такой возможностью не забывали воспользоваться лица, злоупотребляющие правом, интересы которых не сводились к скорейшему рассмотрению дела. Вне сомнений, указанные обстоятельства не способствовали повышению авторитета суда и зачастую вызывали недовольство со стороны добросовестных участников процессов.

⁹ Нохрин Д.Г. Государственное принуждение в гражданском судопроизводстве : моногр. М. : Волтерс Клувер, 2009. 256 с.

Новый порядок рассмотрения отводов в арбитражном процессе, который в настоящее время тождественен для всех судов, отвечает принципу скорого и справедливого судопроизводства. Нельзя не отметить, что после его введения у арбитражных судов стало возникать достаточное количество вопросов относительно, казалось бы, уже давно проверенной процедуры. Например, является ли дача объяснений судьей по доводам отвода обязательной или же свое мнение судья может изложить в определении суда? Нужно ли вести отдельный протокол при рассмотрении отвода? Как следует поступать в случае, если после рассмотрения отвода заявляется новый отвод по тем же основаниям? Эти и другие вопросы возникли именно внутри арбитражных судов у судей, которые отводы на себя ранее никогда не рассматривали, что вполне объяснимо.

Суды общей юрисдикции на протяжении многих лет рассматривают отводы в таком порядке, справедливо отмечая в такой процедуре ряд преимуществ. Во-первых, отводы по надуманным основаниям, как правило, не заявляются, поскольку данный факт легко устанавливается еще до удаления в совещательную комнату. Во-вторых, судья, которому заявлен отвод, заинтересован в его скорейшем рассмотрении, поскольку необходимо разрешать спор по существу в назначенное время. И, в-третьих, что является самым главным, при выяснении причины и основания отвода — за исключением отводов в связи с совершением процессуальных действий судом, при рассмотрении которых судья может не комментировать мотивы своих решений — он не лишен права давать пояснения по отводу. При этом остальные участники процесса с учетом данных пояснений имеют возможность сформировать свое мнение относительно обоснованности заявленного отвода. После соблюдения процедуры суд удаляется в совещательную комнату, где безотлагательно принимает решение по отводу. При этом не имеет значения, в предварительном или основном судебном заседании он заявлен. Удалившись в совещательную комнату, суд изготавливает один документ — определение об удов-

летворении ходатайства об отводе или об отказе в его удовлетворении. Отдельный протокол при совершении данного процессуального действия не ведется. При отказе в удовлетворении заявления об отводе, после оглашения определения суда, заседание продолжается, и в протоколе отражаются суть оглашенного определения и дальнейший ход судебного разбирательства. Указанные обстоятельства фиксируются также в аудиопротоколе. При удовлетворении заявления об отводе рассмотрение дела по существу данным составом суда прекращается, а дело подлежит перераспределению между другими судьями в электронном порядке.

В соответствии с ч. 3 ст. 24 АПК РФ повторное заявление об отводе по тем же основаниям не может быть подано тем же лицом. Соответственно, рассмотрению такое заявление не подлежит.

В рамках рассмотрения заявления об отводе на самого себя может возникнуть своего рода психологическая проблема, поскольку судья должен самостоятельно оценивать его обоснованность, проверяя доводы, заявленные в качестве оснований для его удовлетворения. Подсознательно у судьи может возникнуть ошибочное мнение о необходимости оправдаться перед стороной за совершение им тех или иных действий или имевшие место события. Независимо от того, воспользовался он до удаления в совещательную комнату правом дать свои пояснения или нет, судья ни в коем случае не должен приводить доводы в свое оправдание. Разрешая вопрос об обоснованности отвода, следует ссылаться только на факты, проверить достоверность которых возможно как самому судье, так и вышестоящей инстанции. Предположения стороны, ее мысли и вероятные выводы такими фактами не являются. Они представляют собой не более чем субъективное мнение стороны о заинтересованности судьи.

Основной целью реализации отвода является недопущение рассмотрения дела судьей, который в своем решении не будет основываться на законе и не станет подчиняться внутреннему убеждению при его вынесении, тогда как всякая заинтересованность судьи этому воспрепятствует.

Соответственно, именно судья должен определять наличие у него заинтересованности в рассмотрении конкретного дела или же отсутствие таковой. Стоит также заметить, что наличие внешних причин отвода не во всех случаях является достаточным основанием для его удовлетворения. В частности, наличие родственных связей между судьей и участником процесса не всегда безапелляционно свидетельствует о наличии между ними «глубокой эмоциональной привязанности и о положительном отношении судьи к родственнику»¹⁰.

Необходимо отметить, что судье не всегда удается определить вероятность возникновения вопроса о его заинтересованности в рассмотрении конкретного дела до начала заседания. Например, суд при получении дела может не выявить факт наличия среди участников процесса лиц, состоящих в знакомстве с судьей. Однако сам судья, выйдя в судебное заседание, может вполне обнаружить, что представителем стороны в процессе является его одноклассник или же школьный друг, отношения с которыми могли не всегда складываться гладко. Какова должна быть реакция судьи в данной ситуации? С одной стороны, очевидных препятствий для рассмотрения дела судьей может не усматриваться, ведь совместная

¹⁰ Нефедьев Е.А. Устранение судей в гражданском процессе. Казань: Типография Императорского Казанского университета, 1885. 170 с.

учеба или даже детская дружба прямо не свидетельствуют о заинтересованности судьи на момент рассмотрения спора. С другой стороны, следует учитывать, что остальные участники процесса о данных обстоятельствах не знают, поэтому вопрос беспристрастности судьи в такой ситуации остается открытым. Представляется очевидным, что об указанных обстоятельствах судья должен сообщить всем участникам процесса и дать свои пояснения по данному вопросу. Если судьей наличие собственной заинтересованности не усматривается и, соответственно, самоотвод не заявляется, участвующим в деле лицам должна быть предоставлена информация об этом. Тогда стороны смогут сформировать собственную позицию относительно беспристрастности судьи в данном споре и, если потребуется, заявить отвод. При разрешении отвода необходимость учета всех обстоятельств обосновывается тем, что на данной стадии судопроизводства предсказать то, каким образом в дальнейшем могут быть истолкованы обсуждаемые обстоятельства стороной, неудовлетворенной вынесенным решением, крайне сложно. Представляется, что в подобной ситуации судье все же следует уклониться от рассмотрения дела, поскольку он при осуществлении правосудия должен избегать всего, что может даже потенциально умалить авторитет судебной власти.

Литература

1. Земляничина Д. Объективность будет ликвидирована / Д. Земляничина // Адвокатская газета. 2019. 29 марта.
2. Науменков А.В. Отвод судей в арбитражном процессе : диссертация кандидата юридических наук / А.В. Науменков. Москва, 2002. 175 с.
3. Нефедьев Е.А. Устранение судей в гражданском процессе / Е.А. Нефедьев. Казань : Тип. Императорского Казанского университета, 1885. 170 с.
4. Нохрин Д.Г. Государственное принуждение в гражданском судопроизводстве : монография / Д.Г. Нохрин. Москва : Волтерс Клувер, 2009. 256 с.
5. Тай Ю.В. Отвод судей как гарантия независимости суда / Ю.В. Тай, Т.Ф. Арабова, В. Ле Бурдон // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2014. № 8. С. 131–147.
6. Янков В.В. Роль суда в реализации процессуальных норм: некоторые теоретические проблемы / В.В. Янков // Закон. 2016. № 1. С. 51–62.

Никитин**Сергей Васильевич,**

заведующий кафедрой
гражданского и административного
судопроизводства
Российского государственного
университета правосудия,
доктор юридических наук,
профессор
CivilRAP@yandex.ru

DOI: 10.18572/1812-383X-2020-5-21-26

Предмет судебной защиты по делам об оспаривании нормативных правовых актов

В статье анализируется предмет судебной защиты в административных делах об оспаривании нормативных правовых актов. Рассматриваются публичные и частные интересы, подлежащие защите в судах при оспаривании нормативных предписаний. Выделяются общие и конкретные публичные интересы. Раскрывается понятие и содержание законных интересов граждан и организаций как предмета судебной защиты по рассматриваемой категории административных дел.

Ключевые слова: судебная защита, предмет судебной защиты, законные интересы, нормативные правовые акты, судебное оспаривание нормативных правовых актов.

Согласно статье 3 Кодекса административного судопроизводства РФ¹ (далее — КАС РФ), одной из задач административного судопроизводства, в том числе по делам об оспаривании нормативных правовых актов, является защита нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов граждан и организаций. Точное определение предмета судебной защиты имеет очень важное значение для правильного и своевременного разрешения административного дела. Предметом судебной защиты во многом определяются предмет и процессуальный порядок судебного разбирательства, круг лиц, обладающих правом на обращение в суд, предмет и особенности доказывания по административному делу, распределение бремени доказывания между сторонами и т.д. Наконец, от предмета защиты решающим образом зависят способы защиты нарушенных прав и законных интересов участников административного спора.

Какие же права, свободы и охраняемые законом интересы составляют предмет судебной защиты по делам об оспаривании нормативных предписаний? Для ответа на этот вопрос прежде всего необходимо установить, какие права и законные интересы могут быть нарушены принятием и введе-

нием в действие незаконного нормативного правового акта.

Незаконность нормативного предписания внешне объективно проявляется как его противоречие (несоответствие) нормативным правовым актам, обладающим большей юридической силой.

Указанное противоречие может иметь различный характер и зависит от того, каких сторон нормативного правового акта оно касается: содержания акта, нормотворческой компетенции субъекта, принявшего акт, или формально-юридических признаков, характеризующих данный акт.

Противоречие по содержанию нормативных правовых актов означает, что те или иные правовые нормы, содержащиеся в спорном акте, регулируют определенные отношения в нарушение правовых норм, установленных актом, обладающим большей юридической силой.

Противоречие, касающееся нормотворческой компетенции властного органа или должностного лица, проявляется как нарушение спорным актом положений нормативного правового акта большей юридической силы, определяющего компетенцию в сфере нормотворчества данного властного органа (должностного лица).

Наконец, наличие противоречия в части формально-юридической стороны спорного акта свидетельствует о том, что указанный акт нарушает нормативные положения, обладающие большей юридической силой, которыми установлены

¹ Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ (ред. от 27.12.2019, с изм. от 24.03.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

требования, касающиеся формы акта, порядка его принятия и введения в действие.

Как известно, в порядке административного судопроизводства (гл. 21 КАС РФ, гл. 23 Арбитражного процессуального кодекса РФ², далее — АПК РФ) могут быть оспорены нормативные правовые акты, которые приняты органами государственной власти, органами местного самоуправления и иными субъектами, наделенными теми или иными публичными полномочиями (ЦБ РФ, ЦИК РФ и др.). При этом, принимая во внимание, что нормативные правовые акты адресованы неопределенному, во многих случаях достаточно широкому кругу лиц, можно сказать, что любой нормативный правовой акт в той или иной мере носит публичный характер.

Незаконное (противоправное) нормотворчество противоречит публичному правопорядку и режиму законности, вносит элементы дезорганизации в российскую нормативно-правовую систему. В этой связи принятие и введение в действие незаконного (противоправного) нормативного предписания нарушает в первую очередь публичные интересы,³ в данном случае — интересы законности и правопорядка в сфере правового регулирования общественных отношений.

Защита судом публичных интересов осуществляется путем признания спорного нормативного предписания незаконным и недействующим. Последствием признания судом нормативного правового акта недействующим является его исключение из системы правового регулирования полностью или в части⁴.

Таким образом, предметом судебной защиты по делам об оспаривании нормативных правовых актов являются публичные интересы охраны режима законности

и правопорядка в системе правового регулирования государства. Они могут быть обозначены как *общие публичные интересы*.

Следует отметить, что при рассмотрении любого дела об оспаривании нормативных правовых актов суд осуществляет защиту общих публичных интересов независимо от того, кто обратился в суд и выступил инициатором проверки законности нормативного предписания. Иначе говоря, указанный предмет судебной защиты имеет место вне зависимости от субъекта оспаривания нормативного правового акта (административного истца).

Не имеет значения также основание оспаривания и проверки спорного акта: содержание, нормотворческая компетенция или формально-юридические свойства акта. В любом случае предметом защиты будет общий публичный интерес.

Предметом судебной защиты могут быть также интересы охраны законности и правопорядка в конкретных областях (направлениях) государственной или общественной деятельности, т.е. *конкретные публичные интересы*.

Защита конкретных публичных интересов имеет место в тех случаях, когда административными истцами выступают определенные органы государственной власти, местного самоуправления или общественные объединения, на которые федеральными законами возложены полномочия по контролю за законностью нормативных актов в той или иной сфере правового регулирования, в том числе путем их судебного оспаривания (антимонопольное регулирование, банковская деятельность, защита окружающей природной среды и т.д.).

К примеру, управление Федеральной антимонопольной службы по Нижегородской области обратилось в суд с административным иском о признании Закона Нижегородской области от 28 января 2016 г. № 1–3 «О полномочиях государственного предприятия Нижегородской области на оказание услуг по обеспечению лекарственными препаратами и медицинскими изделиями медицинских организаций Нижегородской области»⁵

² Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 02.12.2019) // СПС «КонсультантПлюс».

³ Ю.А. Попова рассматривает публичные интересы в качестве обязательного предмета судебной защиты по делам данной категории (Попова Ю.А. Защита публичных интересов граждан в судах общей юрисдикции. Краснодар, 2001. С. 20).

⁴ См.: Пункт 2 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. № 50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами» // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Закон Нижегородской области от 28 января 2016 г. № 1–3 «О полномочиях государственного предприятия Нижегородской области на оказание услуг по обеспечению лекарственными препаратами и медицинскими изделиями медицинских организаций Нижегородской области».

в связи с нарушением данным нормативным правовым актом антимонопольного законодательства.

В данном случае предметом защиты являются публичные интересы поддержания законности и правопорядка в сфере антимонопольного регулирования.

Конкретные публичные интересы также являются предметом защиты в тех случаях, когда нормативные правовые акты оспариваются субъектами, наделенными федеральными законами полномочиями по защите прав и интересов *неопределенного круга лиц*. Так, согласно абз. 7 ч. 2 ст. 45 Закона Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 (ред. от 18.07.2019) «О защите прав потребителей»⁶, общественные объединения потребителей (их ассоциации, союзы) вправе обращаться в суды с заявлениями в защиту прав и законных интересов неопределенного круга потребителей. В данном случае публичные интересы заключаются в том, чтобы прекратить действие незаконных нормативных правовых актов в данной сфере правового регулирования и тем самым предотвратить нарушение прав и законных интересов неопределенного круга лиц либо создать условия для их восстановления.

Согласно части 2 ст. 208 КАС РФ, с административным иском заявлением об оспаривании нормативного предписания вправе обратиться в суд общественное объединение в защиту прав, свобод и законных интересов всех членов данного общественного объединения в случае, если это предусмотрено федеральным законом.

В настоящее время такими полномочиями, в частности, обладают саморегулируемые организации, которые от своего имени и в интересах своих членов вправе обратиться в суд с заявлением о признании недействующим не соответствующего федеральному закону нормативного правового акта, обязанность соблюдения которого возлагается на членов саморегулируемой организации, в том числе нормативного правового акта, содержащего не допускаемое федеральным законом расширительное толкование его норм в целом или в

городской области». URL: <http://docs.cntd.ru/document/465531420>

⁶ Закон Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 (ред. от 18.07.2019) «О защите прав потребителей» // СПС «КонсультантПлюс».

какой-либо части (ч. 4 ст. 4 Федерального закона от 1 декабря 2007 г. № 315-ФЗ (ред. от 03.08.2018) «О саморегулируемых организациях»⁷).

Предметом судебной защиты в данном случае также будут *конкретные публичные интересы* неопределенного круга участников данной саморегулируемой организации.

Публичные интересы также защищаются в случаях нарушения нормотворческой компетенции публичного органа или должностного лица по регулированию общественных отношений в той сфере государственной или общественной жизни, которая отнесена законом к ведению данного органа (должностного лица).

Издание нормативного правового акта за пределами нормотворческой компетенции публичного органа (должностного лица) противоречит интересам законности и правопорядка, т.е. нарушает общие публичные интересы, а также приводит к нарушению законно установленной компетенции (полномочий, прав) другого конкретного субъекта в той или иной сфере правового регулирования, т.е. нарушает конкретные публичные интересы.

В данном случае можно говорить о наличии правового конфликта между субъектами, наделенными нормотворческими полномочиями, по поводу реализации нормотворческой компетенции при принятии спорного акта. Такого рода конфликт в определенной мере может ассоциироваться с понятием спора о праве. Одной стороной спора выступает властный орган или должностное лицо, принявшее спорный нормативный акт, а другой — государственный или муниципальный орган (должностное лицо), полагающий, что данным актом нарушена его компетенция.

Поэтому при оспаривании нормативного предписания по основанию нарушения нормотворческой компетенции предметом защиты являются полномочия и права конкретного публичного органа или должностного лица по правовому регулированию определенных общественных отношений (*конкретный публичный интерес*).

Принятие и введение в действие незаконного нормативного правового акта могут

⁷ Федеральный закон от 1 декабря 2007 г. № 315-ФЗ (ред. от 03.08.2018) «О саморегулируемых организациях» // СПС «КонсультантПлюс».

также повлечь за собой нарушение *частных* (личных) прав, свобод и охраняемых законом интересов конкретных граждан и организаций. В результате действия незаконных предписаний могут быть нарушены имущественные права лиц, например при установлении местных налогов и сборов, завышенных коммунальных тарифов и т.д. Нормативными правовыми актами могут быть установлены незаконные ограничения прав и свобод граждан и организаций — к примеру, на занятие определенными видами предпринимательской деятельности, — предусмотрены незаконные обязанности или введены незаконные меры административной ответственности.

Конечно, при разрешении административного дела об оспаривании незаконного нормативного предписания, возбужденного по инициативе заинтересованных граждан или организаций, суд одновременно будет защищать и публичные интересы, в первую очередь интересы охраны законности и правопорядка (общий публичный интерес). Иначе говоря, по делам об оспаривании нормативных правовых актов, возбужденным по заявлению заинтересованных граждан или организаций, предметом защиты будут одновременно выступать законные интересы как частного, так и публичного характера.

Однако защита публичных интересов в данном случае носит в определенной степени вторичный характер. Основным предметом судебной защиты выступают личные интересы административного истца. В чем же они заключаются, каково их содержание?

Сначала обратимся к процессуальному закону. Согласно части 1 ст. 208 КАС РФ, с административным иском заявлением о признании нормативного правового акта не действующим полностью или в части вправе обратиться лица, в отношении которых применен этот акт, а также лица, которые являются субъектами отношений, регулируемых оспариваемым нормативным правовым актом, если они полагают, что этим актом *нарушены или нарушаются их права, свободы и законные интересы*.

В административном исковом заявлении об оспаривании нормативного правового акта должны быть указаны сведения о том, *какие права, свободы и законные интересы лица, обратившегося в суд, нарушены* (ч. 2 ст. 209 КАС РФ).

Аналогичные положения содержатся в ч. 1 ст. 192 и п. 1 ч. 1 ст. 193 АПК РФ.

В соответствии с п. 3 ч. 2 ст. 128 КАС РФ судья отказывает в принятии административного искового заявления об оспаривании нормативного правового акта, если из него не следует, что этим актом *нарушаются либо иным образом затрагиваются права, свободы и законные интересы административного истца*.

При рассмотрении административного дела об оспаривании нормативного правового акта суд выясняет, *нарушены ли права, свободы и законные интересы административного истца* или лиц, в интересах которых подано административное исковое заявление (п. 1 ч. 8 ст. 213 КАС РФ). Верховный Суд Российской Федерации в этой связи неоднократно указывал, что на суд возлагается задача выяснить, *действительно ли нарушены права, свободы и законные интересы административного истца*⁸.

Анализ указанных выше процессуальных норм, казалось бы, говорит о том, что суд по делам об оспаривании нормативных правовых актов осуществляет защиту конкретных материальных субъективных прав, свобод или охраняемых законом интересов административного истца, которые нарушены незаконным нормативным правовым актом.

Однако следует иметь в виду, что с точки зрения механизма правового регулирования само по себе принятие незаконного нормативного предписания не приводит к нарушению субъективных прав граждан или организаций. Ведь субъективные права существуют в рамках правоотношений (являются их содержанием), которые возникают в результате реализации правовых норм, содержащихся в незаконном акте. Нарушение субъективных гражданских прав происходит вследствие действия (реализации) незаконного нормативного правового акта в отношении административного истца, в том числе в результате его применения к данному лицу.

Если незаконный нормативный правовой акт еще не действовал (не был реализован) в отношении административного

⁸ См. напр.: Кассационное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2019 г. № 18-КА19-6 // СПС «КонсультантПлюс».

истца, то судебное решение о признании незаконных положений акта недействующими и не подлежащими применению (ст. 215 КАС РФ, ст. 196 АПК РФ) исключает возможность действия (реализации) этих положений и, соответственно, нарушения субъективных прав административного истца.

Если спорный нормативный правовой акт уже применялся или иным образом действовал в отношении административного истца и это привело к нарушению его субъективных прав, то судебное решение о признании такого акта незаконным позволяет более эффективно задействовать правовые механизмы для восстановления нарушенных прав. К примеру, заинтересованное лицо может предъявить иск о возмещении материального ущерба (убытков), причиненных действием незаконного нормативного правового акта (ст. 1069 ГК РФ). При этом истцу в рамках гражданского дела не надо будет доказывать незаконность акта, поскольку она уже будет установлена судебным решением по административному делу. Это, очевидно, существенно облегчает защиту субъективных прав истца.

Наличие судебного решения о признании нормативного предписания в ряде случаев позволяет достаточно оперативно устранить негативные последствия действия незаконного нормативного правового акта и тем самым восстановить нарушенные субъективные права административного истца. Например, гражданин может потребовать возврата налоговых платежей, уплаченных на основании незаконно установленного налога, или зачета уплаченных сумм в счет будущих налоговых платежей.

Кроме того, следует иметь в виду, что защита нарушенного субъективного права административного истца нередко невозможна без дисквалификации (отмены или изменения) судебных решений и иных правоприменительных актов, основанных на незаконном нормативном предписании. Признание судом незаконным данного нормативного предписания может служить основанием для отмены или пересмотра указанных правоприменительных актов. Судебные решения, основанные на незаконном нормативном правовом акте, могут быть пересмотрены в апелляционном, кассационном или надзорном порядке

(гл. 34–36 КАС РФ, гл. 39–41.1 Гражданского процессуального кодекса РФ⁹ (далее — ГПК РФ), гл. 34–36.1 АПК РФ) либо по новым обстоятельствам (ст. 350 КАС РФ, ст. 392 ГПК, ст. 311 АПК РФ)¹⁰. Иные правоприменительные акты могут быть дисквалифицированы в судебном порядке по заявлению административного истца в порядке гл. 22 КАС РФ, гл. 24 АПК РФ и др.

Таким образом, по делам об оспаривании нормативных правовых актов заинтересованным гражданином или организацией непосредственным предметом судебной защиты являются не субъективные материальные права административного истца, а законный интерес, заключающийся в том, чтобы не допустить в отношении себя действия незаконного нормативного предписания и, соответственно, нарушения субъективных прав либо создать благоприятные условия (обеспечить возможность) защиты субъективных гражданских прав, если они оказались нарушенными в результате действия незаконного нормативного предписания, поскольку наличие судебного решения о признании нормативного акта незаконным облегчает восстановление нарушенного права¹¹.

Признание нормативного правового акта незаконным и объявление его недействующим и не подлежащим применению само по себе не защищает субъективное право, а лишь исключает дальнейшее действие (применение) незаконного нормативного правового акта и тем самым препятствует нарушению субъективного права либо создает лучшие условия для восстановления нарушенного права.

⁹ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 02.12.2019) // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ По этому вопросу см. также Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 6 июля 2018 г. № 29-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Альбатрос»» // СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ Т.В. Сахнова полагает, что непосредственным объектом защиты по делам, возникающим из публичных правоотношений, является правовой интерес, который может, в частности, выражаться в признании незаконным решения органа государственной власти (Сахнова Т.В. Курс гражданского судопроизводства. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2014. С. 77).

Таким образом, признание нормативного предписания не соответствующим закону или иным правовым актам, согласно гражданскому законодательству, по сути дела, не является самостоятельным способом защиты гражданских прав¹².

В этой связи по делам об оспаривании нормативных правовых актов суду нет необходимости выяснять, нарушены субъективные права административного истца или нет, поскольку это не имеет материально-правового значения для дела. Законность нормативного правового акта не зависит от того, нарушил он в период своего действия субъективные права административного истца или не нарушил. Наличие или отсутствие такого нарушения не может влиять на решение суда о признании спорного акта законным и действующим или незаконным и недействующим. Более того, вывод суда о законности спорного нормативного предписания предопределяет вывод о возможном нарушении прав административного истца (незаконный акт может повлечь нарушение прав, а законный — не может).

Обстоятельства, связанные с нарушением или предполагаемым нарушением гражданских прав, имеют процессуальное значение при определении права административного истца оспорить данное нормативное предписание. Для своей легитимации в процессе административному истцу надо доказать, что спорный нормативный акт был применен или может быть применен к нему как участнику правоотношений, регулируемых данным актом. Для этого, в частности, в исковом заявлении необхо-

димо указать, какие права истца нарушены или могут быть нарушены действием спорного акта (п. 4 ч. 2 ст. 209 КАС РФ).

Кроме того, факт возможного нарушения или угроза нарушения прав административного истца имеет процессуальное значение при решении вопроса о правовых последствиях утраты силы или отмены спорного нормативного акта в период рассмотрения административного дела. При отсутствии указанного факта суд может прекратить производство по делу п. 1 ч. 1 ст. 214 КАС РФ, а при его наличии суд обязан продолжить рассмотрение дела и проверить законность утратившего силу или отмененного нормативного предписания (ч. 11 ст. 213 КАС РФ).

Таким образом, предметом судебной защиты по делам об оспаривании нормативных правовых актов являются *общие публичные интересы* — охрана законности и правопорядка в государстве, *конкретные публичные интересы* — охрана законности и правопорядка в отдельных сферах общественной жизни, нормотворческой компетенции публичного органа или должностного лица, а также *частные интересы* — законные интересы граждан и организаций, направленные на предотвращение действия незаконного нормативного правового акта либо на обеспечение возможности защиты субъективных гражданских прав, нарушенных в результате действия незаконного нормативного предписания.

Предмет оспаривания по конкретному административному делу может быть различен в зависимости от характера нарушения законности при принятии и введении в действие спорного НПА. При незаконности содержания акта предметом защиты всегда являются общие публичные интересы, а также могут выступать конкретные публичные интересы и частные интересы. При нарушении нормотворческой компетенции это общие и конкретные публичные интересы. Наконец, при оспаривании нормативного правового акта исключительно по основанию нарушения порядка принятия и введения акта предметом защиты выступают только общие публичные интересы.

¹² В этой связи сложно согласиться с выводом Пленума Верховного Суда Российской Федерации о том, что оспаривание нормативного правового акта является самостоятельным способом защиты прав и свобод граждан и организаций (См.: Пункт 1 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. № 50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами» // СПС «КонсультантПлюс»).

Литература

1. Попова Ю.А. Защита публичных интересов граждан в судах общей юрисдикции / Ю.А. Попова. Краснодар, 2001. 296 с.
2. Сахнова Т.В. Курс гражданского судопроизводства / Т.В. Сахнова. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Статут, 2014. 784 с.

Кухарева**Олеся Александровна,**

доцент кафедры арбитражного процесса
Саратовской государственной
юридической академии,
кандидат юридических наук, доцент
ilya12361@yandex.ru

Юсупова**Асия Наилевна,**

доцент кафедры арбитражного процесса
Саратовской государственной
юридической академии,
кандидат юридических наук, доцент
Asiya.yusupova@mail.ru

DOI: 10.18572/1812-383X-2020-5-27-31

Упрощенные формы рассмотрения и разрешения дел в рамках унификации цивилистического судебного процесса

В статье авторами рассматриваются вопросы унификации упрощенных форм рассмотрения и разрешения упрощенных форм — упрощенное производство и приказное производство в рамках цивилистического судебного процесса. «Процессуальная революция» судопроизводства, основой которой стал Федеральный закон от 28 ноября 2019 г. № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»*, позволяет по-новому анализировать отдельные процессуальные институты и констатировать наличие элементов унификации отдельных видов судебных производств. В связи с этим авторами статьи освещаются основные положения приказного и упрощенного производства, сходства и различия последних в судах общей и арбитражной юрисдикции. Также авторами проводится анализ действующего законодательства в целях выявления теоретико-практических проблем и предлагаются возможные пути выявленных коллизий.

Ключевые слова: гражданский процесс, арбитражный процесс, упрощенные формы судебного процесса, приказное производство, судебный приказ, упрощенное производство, электронное правосудие.

В настоящее время правовая политика государства направлена на то, чтобы максимально гарантировать защиту нарушенных прав и законных интересов граждан и юридических лиц путем осуществления правосудия (а также обеспечения его доступности и эффективности) с минимально возможными как временными, так и финансовыми затратами для заинтересованных лиц. Указанная тенденция правовой политики прослеживается и в судебно-цивилистическом процессе, в рамках которого судопроизводство осуществляют суды арбитражной и общей юрисдикции. Наличие упрощенных форм рассмотрения и разрешения правовых споров в процессуальных кодексах способствует оптимизации судебного процесса путем снижения временных и материальных затрат, что в итоге ведет к уменьшению нагрузки на судебный корпус и более оперативной судебной защите. С одной стороны, подобные веяния имеют цель повысить эффектив-

ность защиты прав и законных интересов участников различных правоотношений, организовав высокий уровень доступа к правосудию, а также оперативность обмена информацией между лицами, участвующими в деле. С другой стороны, как справедливо отмечает М.З. Шварц, упрощенные процедуры снимают с суда часть обязанностей и процедур, что ускоряет рассмотрение дела, но повышает риски сторон¹.

Начиная с 2016 г. правовая регламентация судопроизводства в Арбитражном процессуальном кодексе Российской Федерации² (далее — АПК РФ) и Гражданском процессуальном кодексе Российской

¹ См.: Шварц М.З. Систематизация арбитражного процессуального законодательства: проблемы теории и практики применения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2004. С. 17.

² См.: Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 12.11.2019) // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012 ; 2019. № 46. Ст. 6420.

* Федеральный закон от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2018. № 49 (часть I). Ст. 7523.

Федерации³ (далее — ГПК РФ) включает ряд упрощенных форм рассмотрения и разрешения гражданских дел — приказное производство и упрощенное производство.

Следует отметить, что все российские суды в настоящее время возглавляются Верховным Судом Российской Федерации, который заинтересован не только в снижении общей нагрузки на суды, но и в унификации правил рассмотрения дел судами⁴. Такая унификация цивилистического судебного процесса реализуется путем взаимопроникновения и взаимодополнения ряда норм, положений и институтов права из одного кодекса в другой.

Институт судебного приказа изначально регламентировался в ГПК РФ, однако в ходе реформы 2016 г., направленной на единообразие цивилистического судебного процесса и судебной политики в целом, он появился как разновидность упрощенного производства в АПК РФ (ст. 122 ГПК РФ и 229.2 АПК РФ). Общей отличительной особенностью, свойственной делам приказного производства, является отсутствие спора как такового⁵.

Вместе с тем правоприменительный опыт приказного производства с 2016 г. предопределил тенденции развития данной упрощенной формы, что нашло свое отражение в самостоятельном блоке общих нововведений «процессуальной революции», регламентированной Федеральным законом от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁶ (далее по тексту — Федеральный закон № 451-ФЗ).

Так, с 1 октября 2019 г. вступили в силу внесенные в ГПК РФ и АПК РФ изменения, касающиеся института судебного приказа. Обращает на себя внимание то, что одним из формальных изменений является необходимость включения в заявление о вынесении (или выдаче) судебного приказа сведений об одном из идентификаторов физического лица. Также в ГПК РФ расширен перечень сведений, касающихся организации-должника, которые должны быть указаны в заявлении о вынесении судебного приказа (наименование, адрес, ИНН, ОГРН). АПК РФ предъявлял вышеназванные требования к заявлению о выдаче судебного приказа и ранее. Вместе с тем в соответствии с абз. 3–4 Федерального закона от 17 октября 2019 г. № 343-ФЗ «О внесении изменений в статью 21 Федерального закона “О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации”» вышеназванные изменения вступили в силу 1 апреля 2020 г.⁷

Одним из нововведений, отражающих стремление законодателя разгрузить суды от чрезмерной нагрузки, является увеличение порога суммы требований, подлежащих взысканию в порядке приказного производства арбитражными судами. Так, сумма заявленных требований, согласно ст. 229.2 АПК РФ, не должна превышать сумму в размере пятьсот тысяч рублей. Указанный размер заявленных требований был установлен ч. 1 ст. 121 ГПК РФ в 2016 г.

Нельзя отрицать, что вышеназванные изменения сближают ГПК РФ и АПК РФ, унифицируя положения цивилистического судебного процесса. Однако между кодексами имеются отличия. Интересно, что нормы ГПК РФ, устанавливающие требования к содержанию заявления о вынесении судебного приказа, являются альтернативными касательно идентификаторов гражданина или организации-должника, поскольку содержат условие: если они из-

³ См.: Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 17.10.2019) // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532; 2019. № 30. Ст. 4115.

⁴ См.: Алиева А.Б. Упрощенное производство в гражданском процессе: спорные вопросы теории и практики // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 1. С. 105.

⁵ См.: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2016 г. № 62 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2017. № 2.

⁶ См.: Федеральный закон от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2018. № 49 (часть I). Ст. 7523.

⁷ См.: Федеральный закон от 17 октября 2019 г. № 343-ФЗ «О внесении изменений в статью 21 Федерального закона “О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации”» // СЗ РФ. 2019. № 42 (часть II). Ст. 5808.

вестны гражданину-взыскателю. В то же время АПК РФ подобного условия не содержит, возлагая на заявителя обязанность указать один из идентификаторов гражданина-должника, ИНН и ОГРН организации. Также различается и срок, установленный для вынесения судебного приказа. Суды общей юрисдикции обязаны вынести судебный приказ в пятидневный срок, арбитражным судам установлен срок в десять дней.

По нашему мнению, пятидневный срок слишком мал для того, чтобы судья мог вынести судебный приказ. В соответствии с Федеральным законом № 451-ФЗ судья обязан указать в судебном приказе сведения о должнике, содержащиеся в заявлении о выдаче судебного приказа, в том числе идентификаторы гражданина-должника. Поскольку судебный приказ является еще и исполнительным документом, то возникает вопрос об исполнимости судебного приказа, изданного лишь на основе сведений, указанных заявителем, которому в большинстве случаев неизвестны ни год рождения, ни место рождения, ни ИНН должника.

Исходя из вышеизложенного, на наш взгляд, правоприменительная практика может столкнуться с коллизией, когда судебный приказ станет неисполнимым документом, поскольку ряд данных не был указан заявителем при подаче заявления, а судья эти данные не устанавливали. Подать заявление в порядке искового производства взыскателю также не представляется возможным, поскольку ст. 135 ГПК РФ обязует суд вернуть исковое заявление, если заявленные требования подлежат рассмотрению в порядке приказного производства. Тем временем в приказном производстве отсутствует возможность заявить ходатайство с целью установления необходимых для исполнимости судебного приказа сведений. В то же время самостоятельно заявитель названные сведения получить не сможет, поскольку они составляют персональные данные, охраняемые законом.

Для устранения названных проблем, которые могут возникнуть в судебной практике, считаем необходимым предусмотреть в законодательстве возможность

взыскателя подавать вместе с заявлением о вынесении судебного приказа ходатайство об установлении судом сведений, необходимых для исполнимости судебного приказа.

Как уже было сказано выше, судебный приказ в соответствии с ч. 1 ст. 126 ГПК РФ выносится в пятидневный срок со дня поступления в суд заявления, однако данный срок препятствует направлению судебного запроса в компетентные органы для установления необходимых сведений касательно идентификаторов гражданина-должника, его места регистрации и иных данных. Таким образом, срок вынесения судебного приказа, установленный ст. 126 ГПК РФ, недостаточен для вынесения исполнимого документа при отсутствии каких-либо сведений о должнике в заявлении о вынесении судебного приказа, в связи с чем, мы считаем, необходимо уравнивать данный срок с АПК РФ, которым предусмотрен период в 10 дней, или увеличить иным образом.

Упрощенное производство, в отличие от приказного, по сути, являлось «изобретением» судопроизводства в арбитражных судах. В ГПК РФ глава, посвященная упрощенному производству, как уже было отмечено, была введена менее трех лет назад. Исходя из положений ст. 232.2 ГПК РФ, можно сделать вывод, что законодатель выделяет два основания, когда может применяться упрощенное производство (за исключением определенного перечня дел). К первой категории относятся дела, предусмотренные ч. 1 ст. 232.2 ГПК РФ. Во вторую категорию входят дела, не относящиеся к первой категории и не включенные в перечень не подлежащих рассмотрению в упрощенном производстве дел, установленный ч. 3 ст. 232.2 ГПК РФ, при условии, что обе стороны выразили согласие на рассмотрение дела в порядке упрощенного производства⁸. Инициатором рассмотрения дела в упрощенном производстве в последнем случае может выступать как одна из сторон, так и суд.

⁸ См.: Ефимова Ю.В. Упрощенное производство как новелла гражданского процессуального законодательства // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 3. С. 178.

Схожие положения содержит ст. 227 АПК РФ. Таким образом, оба кодекса имеют императивную норму, устанавливающую определенные категории дел, которые должны рассматриваться в порядке упрощенного производства, а также диспозитивную норму, устанавливающую право сторон и суда инициировать рассмотрение дела, не относящегося к вышеназванной категории, в порядке упрощенного производства при согласии сторон.

В соответствии с правилами, предусмотренными ст. 232.3 и 228 ГПК РФ и АПК РФ, извещение о судебном процессе в упрощенном порядке судопроизводства осуществляется однократно путем направления определения о принятии дела к производству и его рассмотрении. Подобная организация судопроизводства напрямую снижает затраты, идущие из бюджета государства, на оповещение участников процесса.

Необходимо отметить, что ст. 228 АПК РФ предусматривает также то, что поступившие в арбитражный суд отзыв на исковое заявление, отзыв на заявление, доказательства и иные документы в течение трех дней размещаются на официальном сайте арбитражного суда в информационно-телекоммуникационной сети Интернет. Доступ к такой информации ограничен, что позволяет исключить разглашение коммерческой и иной охраняемой законом тайны⁹, вследствие чего в определении о принятии дела к производству и его рассмотрении указываются данные, необходимые для идентификации сторон, для доступа к материалам дела в электронном виде, что, по мнению В.А. Пономаренко, является прообразом осуществления электронного правосудия в Российской Федерации¹⁰. Вышеназванный факт значительно экономит время сторон, поскольку у последних отсутствует необходимость посещения суда с целью ознакомления с материалами дела, а также

необходимость нести расходы на судебных представителей¹¹.

Несмотря на успешную регламентацию и правоприменительную практику упрощенного производства в арбитражном процессе, а также тенденцию к унификации судебного гражданского процесса в настоящее время, ГПК РФ подобные правила не предусмотрены — стороны обязаны направлять доказательства в суд и друг другу самостоятельно. Как представляется, подобное обстоятельство может способствовать злоупотреблению правом одной из сторон, а также вынуждает другую сторону обращаться в суд с целью ознакомиться с материалами дела, тем самым нести затраты на судебного представителя.

В рамках сближения АПК РФ и ГПК РФ необходимо перенести успешный опыт электронного документооборота в упрощенном процессе в суды общей юрисдикции. В настоящее время большинство населения России имеет достаточный уровень правосознания, а также доступ к компьютеру и информационно-телекоммуникационной сети Интернет для того, чтобы пользоваться возможностями электронной картотеки дел. Так, руководитель ФГБУ «Информационно-аналитический центр поддержки ГАС «Правосудие»» Л.А. Юхневич обращает внимание на то, что только за 2017 г. граждане России активировали более 108 тысяч личных кабинетов на сайтах федеральных судов общей юрисдикции и около 200 тысяч документов было направлено в федеральные суды общей юрисдикции в электронном виде¹². Данный факт, очевидно, свидетельствует о популярности электронного документооборота среди граждан.

Таким образом, мы считаем, что законодателю необходимо предусмотреть обязанность судов общей юрисдикции выкладывать электронные копии документов, поступивших от сторон по делу,

⁹ См.: Кондюрина Ю.А. Некоторые проблемы упрощенного производства // Вестник Омского университета. 2014. № 3. С. 177.

¹⁰ См.: Пономаренко В.А. К вопросу о модернизации судебно-арбитражной процессуальной формы в свете изменений АПК РФ и концепции электронного правосудия // Российский юридический журнал. 2013. № 2. С. 152.

¹¹ См.: Галковская Н.Г. Результаты реформы упрощенного производства в арбитражном процессе // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 382. С. 147.

¹² См.: Юхневич Л. А. Электронное правосудие — будущее российской судебной системы. URL: <https://www.consultant.ru/law/interview/yuhnevich/> (дата обращения: 01.04.2020).

рассматриваемому в порядке упрощенного производства, на приспособленную для данных целей официальную электронную платформу, к которой будут иметь доступ стороны по данному делу. Это шаг на пути к электронному правосудию, которое сэкономит не только денежные средства, но и время граждан¹³.

Исходя из вышеизложенного, мы можем наблюдать в настоящее время взаимопроникновение норм гражданского и арбитражного процессуального права, что ведет к объединению, тождественности норм цивилистического судебного процесса, в том числе регламентирующих упрощенные формы судебных производств. Несомненно, упрощенные формы

ведут к снижению нагрузки на судебный аппарат, что отражает законодательную тенденцию на расширение количества дел, рассматриваемых в порядке упрощенного и приказного производств (прежде всего за счет увеличения порога взыскиваемых сумм). Но вместе с тем следует помнить, что из-за стремления снизить нагрузку на судебную систему не должны страдать права и законные интересы граждан, а вместе с ними качество принимаемых судебных решений, доступность правосудия и исполнимость судебных постановлений. Именно поэтому отдельные моменты правового регулирования в целях сохранений конституционных гарантий права на судебную защиту необходимо усовершенствовать, что возможно путем внесения изменений в процессуальные кодексы с сохранением вектора их унификации.

¹³ См.: Денисов И.С. Развитие электронного правосудия в России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 1 (77). С. 102.

Литература

1. Алиева А.Б. Упрощенное производство в гражданском процессе: спорные вопросы теории и практики / А.Б. Алиева // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 1. С. 104–108.
2. Галковская Н.Г. Результаты реформы упрощенного производства в арбитражном процессе / Н.Г. Галковская // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 382. С. 144–151.
3. Денисов И.С. Развитие электронного правосудия в России / И.С. Денисов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 1 (77). С. 101–104.
4. Ефимова Ю.В. Упрощенное производство как новелла гражданского процессуального законодательства / Ю.В. Ефимова // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 3. С. 177–180.
5. Кондюрина Ю.А. Некоторые проблемы упрощенного производства / Ю.А. Кондюрина // Вестник Омского университета. 2014. № 3. С. 175–178.
6. Пономаренко В.А. К вопросу о модернизации судебно-арбитражной процессуальной формы в свете изменений АПК РФ и концепции электронного правосудия / В.А. Пономаренко // Российский юридический журнал. 2013. № 2. С. 146–152.
7. Шварц М.З. Систематизация арбитражного процессуального законодательства: проблемы теории и практики применения : автореферат диссертации кандидата юридических наук / М.З. Шварц. Санкт-Петербург, 2004. 26 с.
8. Юхневич Л.А. Электронное правосудие — будущее российской судебной системы / Л.А. Юхневич. URL: <https://www.consultant.ru/law/interview/yuhnevich/> (дата обращения: 01.04.2020).

**Соседова
Марина Васильевна,**
судья Елецкого городского суда
stsud@lipetsk.ru

DOI: 10.18572/1812-383X-2020-5-32-37

Возможность применения искусственного интеллекта при рассмотрении отдельных гражданских дел: предсказанное правосудие

В статье рассматривается возможность применения судами Российской Федерации искусственного интеллекта (далее — ИИ) и предсказанного правосудия (далее — ПП) при рассмотрении определенных категорий гражданских дел. Автор исходит из анализа практики судов общей юрисдикции. Особое внимание уделяется совершенствованию законодательства, что позволит облегчить внедрение ПП. Автор обосновывает возможность применения ИИ при рассмотрении гражданских дел, в отношении которых возможно ПП.

Ключевые слова: искусственный интеллект, предсказанное правосудие, приказное производство.

Введение

В деятельность судов все более входят цифровые технологии. Это, в свою очередь, порождает возможность применения ИИ при отправлении правосудия. Казалось бы, доверить ИИ вынесение судебных актов сложно с точки зрения психологии. В то же время у граждан возникает необходимость обращения к правосудию не только для разрешения сложных вопросов — например для защиты прав в предсказуемых, но требующих судебной защиты ситуациях (задержка выплаты начисленной, но не выплаченной заработной платы; взыскание алиментов на несовершеннолетних детей и т.д.). Обращение к адвокату не всегда возможно из-за финансовых трудностей, отсутствия времени или в силу иных причин. В то же время по некоторым категориям гражданских дел возможно (при наличии известных данных) предвидеть решение суда. В этом случае можно говорить о ПП. Оно представляет собой программное обеспечение, прогнозирующее при наличии определенных сведений о доказательствах, подтверждающих или опровергающих значимые для дела обстоятельства, вероятный исход процесса (решение или приговор суда).

ПП обусловлено возможностью использования ИИ, если рассмотрение определенных категорий дел зависит от установления строго конкретных обстоятельств, подтвержденных известными доказательствами. В этих случаях можно доверить разрешение дел ИИ. Ученые и практики по-разному воспринимают возможность применения ИИ при разрешении гражданских и уголовных дел. Соответственно, неоднозначное отношение и к ПП.

Так, И.И. Шереметьев считает, что постановление по делу приговора или принятие других судебных решений, связанных с оценкой множества сложных, противоречивых и порой взаимоисключающих доказательств, с правовой квалификацией установленных обстоятельств, и понятное для участников процесса и для общества в целом обоснование этих решений не могут быть доверены ИИ.

Нужно при этом понимать, что программу для принятия таких решений «электронным судьей» и алгоритм его действий создают люди, у которых могут быть и есть разные подходы к решению тех вопросов, которые составляют сущность правосудия, и ни один из этих подходов не может считаться самым

лучшим и совершенным¹. И.И. Шереметьев исключает возможность разрешения ИИ даже определенных категорий дел.

Существует и прямо противоположное мнение. П.Н. Бирюков полагает, что наличие одновременно предсказанного и традиционного правосудия возможно. «В то время как традиционное правосудие пытается выполнить свою миссию — в разумные сроки вынести решение по делу, ПП идет дальше. Оно предполагает алгоритмы для анализа в короткие сроки огромного количества ситуаций, которые позволяют предвидеть исход спора или по крайней мере оценить шансы на успех»².

Рассмотрим возможность применения ПП при рассмотрении некоторых гражданских дел в Российской Федерации.

Основное исследование

Устойчив тезис о том, что «каждое судебное дело индивидуально». Он относится к психологическим и эмоциональным переживаниям участников процесса. Однако при рассмотрении некоторых категорий гражданских дел при наличии определенных доказательств, принятых судом, решение предсказуемо. Такие категории дел специалисты называют «несложными».

Формированию единой позиции при рассмотрении дел (а следовательно, и общего подхода к вынесению решений) способствует обобщение судебной практики. При этом анализ положительного опыта при разрешении этих категорий дел включает определение значимых для дела обстоятельств, а также необходимых доказательств, которые подтверждают или опровергают какие-либо факты. В конечном итоге это приводит к выработке алгоритма действий судьи (исстребование определенных доказательств, проверка значимых обстоятельств и т.д.).

¹ См.: Шереметьев И.И. Использование цифровых технологий при рассмотрении уголовных дел в суде: реальность и перспективы // Lex Russica. 2019. № 5 (150). С. 117–131.

² Бирюков П.Н. Искусственный интеллект и «предсказанное правосудие»: зарубежный опыт // Lex Russica. 2019. № 11 (156). С. 79–87.

Конечная цель — следуя выработанному алгоритму действий, принять законное и обоснованное решение по делу.

Следовательно, при рассмотрении определенных категорий дел можно говорить о ПП. Проиллюстрируем это на следующих примерах.

1. Дела по заявлениям о признании гражданина недееспособным

При рассмотрении дел о признании гражданина недееспособным вследствие психического расстройства ст. 238 Гражданского процессуального кодекса РФ³ (далее — ГПК РФ) предоставляет судье право при подготовке дела к разбирательству назначить судебно-психиатрическую экспертизу (при наличии достаточных данных о психическом расстройстве лица). Практика идет по пути обязательного назначения таких экспертиз, поскольку судья, как правило, не имеет специальных познаний в психиатрии. Следовательно, без помощи специалиста он не может достоверно определить степень заболевания гражданина, позволяющую установить его дееспособность.

На разрешение эксперта ставятся в том числе следующие вопросы:

1. «Страдает ли гражданин N психическим расстройством? Если да, то каким именно, каковы степень и характер расстройства?» Тем самым выясняются диагноз лица и соответствие ранее поставленному диагнозу, указанному в медицинских документах.

2. «Может ли в силу своего психического заболевания гражданин N понимать значение своих действий и руководить ими либо руководит ими лишь при помощи других лиц?»

А) Если лицо может понимать значение своих действий и руководить ими, отсутствуют основания для признания его недееспособным.

Б) Если лицо не может понимать значение своих действий и руководить ими, имеются основания для признания его недееспособным.

³ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 02.12.2019) // СПС «КонсультантПлюс».

В) Если лицо понимает значение своих действий, но не может руководить ими без посторонней помощи, это является основанием для отказа в удовлетворении заявления. Однако при этом разрешается вопрос о попечителе, которой будет оказывать помощь гражданину.

Таким образом, отрицательный ответ на второй вопрос (лицо не может осознавать значение своих действий и руководить ими) является, как правило, основанием для удовлетворения заявления о признании гражданина недееспособным. То обстоятельство, что экспертное заключение имеет преимущественное значение как доказательство при рассмотрении заявлений о признании лица недееспособным, не противоречит ч. 2 ст. 67 ГПК РФ. В данном случае положения о том, что никакое доказательство не имеет для суда заранее установленной силы, следует рассматривать в совокупности со ст. 60 ГПК РФ (допустимые доказательства). Поскольку такие значимые для дела обстоятельства, как наличие (или отсутствие) психического заболевания, его степень, подтверждены определенным средством доказывания, то решение суда можно считать с вероятностью предсказуемым при наличии результатов судебно-психиатрической экспертизы. Следовательно, по данной категории дел можно говорить о возможности использования ПП.

2. Дела по искам об установлении отцовства

При рассмотрении данной категории дел возможно в силу ст. 39 ГПК РФ признание иска ответчиком. При наличии этого обстоятельства само признание иска является основанием в силу ч. 4.1 ст. 198 ГПК РФ основанием для удовлетворения требований.

При отсутствии признания иска ответчиком и наличия сведений о контакте (знакомство, совместное проживание и т.д.) истца и ответчика, суд, как правило, назначает проведение генетической экспертизы, на разрешение которой ставится вопрос о возможности происхождения ребенка от этого мужчины (биологическое отцовство). В данном случае результат экспертизы, изложенный

в заключении, обуславливает решение суда.

При уклонении ответчика от участия в процессе суд выносит определение о назначении генетической экспертизы с указанием даты явки в экспертное учреждение. Оно направляется ответчику. Неявка ответчика, извещенного о времени и месте проведения экспертизы в экспертное учреждение, расценивается в силу ч. 3 ст. 79 ГПК РФ как уклонение от участия в экспертизе, непредставление экспертам необходимых материалов.

Из анализа практики можно также сделать вывод о ПП, поскольку возможность удовлетворения иска во многом зависит от результатов экспертизы. Уклонение ответчика от экспертизы чревато признанием судом факта отцовства установленным, что является основанием для удовлетворения требований истца.

По вышеуказанным категориям дел в силу ст. 122 ГПК РФ недопустимо вынесение приказа. Вместе с тем законодательство и судебная практика выработали четкий алгоритм действий судьи (какие обстоятельства для дела являются значимыми и подлежат проверке; какими доказательствами подтверждаются или опровергаются эти доказательства; действия суда для получения этих доказательств и т.д.). Это также подтверждает возможность при рассмотрении вышеуказанной категории дел применять ПП.

3. Дела по искам о взыскании начисленной, но не выплаченной заработной платы, сумм оплаты отпуска, выплат при увольнении и (или) иных сумм, начисленных работнику, компенсации за задержку заработной платы в соответствии со ст. 236 Трудового кодекса РФ⁴ (далее — ТК РФ), компенсации морального вреда

Такого рода иски подаются работниками с требованием о взыскании заработанных денежных средств, сумма которых не оспаривается работодателем. Причина невыплаты чаще всего — отсутствие средств у работодателя. Сложность здесь возникает не в отношении основного

⁴ Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 16.12.2019) // СПС «КонсультантПлюс».

требования, которое не оспаривается ответчиком, и компенсации за задержку заработной платы в соответствии со ст. 236 ТК РФ (сумма которой просчитывается), а в определении суммы компенсации морального вреда.

Положения статьи 237 ТК РФ предусматривают возмещение морального вреда, причиненного работнику, в том числе и при несвоевременной выплате заработной платы, оплаты отпуска, выплат при увольнении и (или) других выплат, причитающихся работнику. В данном случае считается установленным, что сам факт задержки выплаты заработной платы является основанием для компенсации работнику морального вреда.

Как разъяснено в абз. 4 п. 63 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 марта 2004 г. № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации», размер компенсации морального вреда определяется судом исходя из конкретных обстоятельств каждого дела с учетом объема и характера причиненных работнику нравственных или физических страданий, степени вины работодателя, иных заслуживающих внимания обстоятельств, а также требований разумности и справедливости⁵.

Размер компенсации морального вреда в настоящее время определяется судом исходя из всех конкретных обстоятельств дела в совокупности, но если исходить из судебной практики, решающими факторами, влияющими на размер компенсации, являются размер выплаты и сроки ее задержки.

При этом определение размера компенсации морального вреда заранее (путем законодательного установления алгоритма расчета компенсации морального вреда) стимулировало бы работодателя к своевременному исполнению своих обязанностей по оплате причитающихся сумм. Было бы целесообразно внести

изменения в ст. 237 ТК РФ, дополнив ч. 1 абз. 2 следующего содержания: «При нарушении работодателем установленного срока выплат заработной платы, оплаты отпуска, выплат при увольнении и других выплат, причитающихся работнику, работодатель обязан выплатить компенсацию морального вреда, составляющую 10% от начисленной, но не выплаченной суммы, причитающейся работнику. При задержке выплаты более трех месяцев работодатель обязан выплатить компенсацию морального вреда, составляющую 15% от начисленной, но не выплаченной суммы, причитающейся работнику. При задержке выплаты более пяти месяцев работодатель обязан выплатить компенсацию морального вреда, составляющую 20% от начисленной, но не выплаченной суммы, причитающейся работнику. Комиссия по трудовым спорам или суд, рассматривающий дело, при наличии уважительных причин вправе увеличить сумму компенсации морального вреда».

Таким образом, если будет возможным просчитать компенсацию морального вреда заранее, то работник будет знать свои возможные материальные компенсации, а работодатель сможет оценить риски при невыполнении своих обязанностей. В совокупности это будет стимулировать к выплате сумм, причитающихся работнику. Кроме того, КТС или суд при рассмотрении этого требования в исключительных случаях смогут увеличить сумму компенсации морального вреда.

При предсказуемом определении размера компенсации морального вреда дела по искам работников к работодателям о выплате начисленной, но не выплаченной заработной платы, процента за задержку выплат, компенсации морального вреда можно отнести к делам ПП.

4. Дела о восстановлении на работе при нарушении порядка увольнения

При увольнении работника работодатель может допустить нарушения а) по сути увольнения (неправильное применение материального права) и б) порядка увольнения (процедуры). Последнее является самостоятельным основанием для удовлетворения иска о восстанов-

⁵ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 марта 2004 г. № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) // СПС «Гарант».

лении работника. В то же время не каждое нарушение прав работника при проведении процедуры является основанием для удовлетворения иска и его восстановления.

К примеру, несвоевременное, т.е. не в день увольнения (за исключением случаев увольнения по п. а подп. «б» ч. 1 ст. 81 ТК РФ — за прогул), ознакомление работника с приказом не является основанием для восстановления на работе. Поскольку приказ об увольнении уже издан, несвоевременное ознакомление с ним уже не влияет на его незаконность; процедура увольнения уже завершена.

Факт несвоевременного увольнения может являться уважительной причиной для восстановления срока на обращение в суд, если этот срок пропущен, и истец заявляет ходатайство о его восстановлении.

В то же время отсутствие у работника объяснения до привлечения его к дисциплинарной ответственности, привлечение к ответственности за пределами сроков, предусмотренных ч. 3 и 4 ст. 193 ТК РФ, являются основанием для восстановления работника.

На практике вопрос о сроках (ч. 3 и 4 ст. 193 ТК РФ), как правило, не вызывает сложностей. В то же время обязанность работодателя в получении объяснения от работника нуждается в более подробной регламентации.

Согласно части 1 ст. 193 ТК РФ, до применения дисциплинарного взыскания работодатель должен затребовать от работника письменное объяснение. Если по истечении двух рабочих дней объяснение работником не представлено, составляется соответствующий акт.

На практике является спорной ситуация, когда работник устно отказался дать объяснение до истечения двух дней. Можно ли это принимать как основание для составления акта об отказе от дачи объяснений в день заявления работника, либо работодателю надо в любом случае подождать два дня, и только потом у него есть право составить соответствующий акт? Судебная практика идет следующим образом: отказавшись от дачи объяснений даже до истечения двух дней со дня требования работодателя, работник

реализовал свое право. Вместе с тем позиция Государственной инспекции труда по данному вопросу не всегда совпадает с позицией судов.

Так, Государственным инспектором труда ГИТ Липецкой области был составлен протокол о совершении учебным заведением правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 5.27 Кодекса об административных правонарушениях РФ⁶ (далее — КоАП РФ). Фактические обстоятельства произошедшего таковы⁷: администрация училища, объявив работнику о необходимости дачи объяснений в отношении совершенного дисциплинарного проступка, при отказе работника от дачи объяснений в этот же день составила соответствующий акт. Работник был уволен.

ГИТ усмотрела нарушение ст. 193 ТК РФ и прав работника, поскольку после отказа работника от дачи объяснений акт был составлен в тот же день, а не по истечении двух дней со дня, когда работнику было предложено дать объяснение. Учебное учреждение не согласилось с этим. Его представитель в протоколе указал: «С выводами проверки о нарушении процессуального порядка привлечения работника к дисциплинарной ответственности приказом не согласен, так как ему было предоставлено право представить свои объяснения. При этом в сроках он ограничен не был. Более того, он свое право реализовал путем отказа от его дачи в присутствии членов комиссии». По результатам рассмотрения административного дела было вынесено предписание и решение, которыми руководство учебного учреждения признано виновным в совершении правонарушения по ч. 1 ст. 5.27 КоАП РФ. Ему было назначено наказание в виде административного штрафа. Представители вуза обжаловали решение в суд. Правобережным район-

⁶ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 01.04.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.04.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Решение Правобережного районного суда г. Липецка от 7 июня 2019 г. по делу № 2а-2142/2019 // Архив Правобережного районного суда г. Липецка.

ным судом г. Липецка были признаны незаконными и отменены решение заместителя руководителя ГИТ и предписание государственного инспектора труда. Коллегией по административным делам Липецкого облсуда решение было оставлено в силе.

В этой связи в целях единообразного понимания законодательства необходимо внести изменения в ч. 1 ст. 123 ТК РФ, изложив ее в следующей редакции: «До применения дисциплинарного взыскания работодатель должен затребовать от работника письменное объяснение. Если по истечении двух рабочих дней указанное объяснение работником не предоставлено, то составляется соответствующий акт. В случае если работник отказывается от дачи объяснения, акт может быть составлен в тот же день». После разрешения спорных вопросов категория споров по искам о восстановлении на работе в случае, если истец ссылается только на нарушение процедуры увольнения, может являться предметом ПП.

5. Приказное производство

Приказное производство подразумевает упрощенный процесс. В частности, взыскатель предоставляет заявление о вынесении судебного приказа с доказательствами, подтверждающими обоснованность требования (взыскания суммы или истребования движимого имущества), квитанцию об оплате государственной пошлины. Требования, по которым может быть вынесен судебный приказ, предусмотрены в ст. 122 Гражданского кодекса РФ⁸ (далее — ГК РФ); их перечень является исчерпывающим. Судебный приказ выносится единолично мировым судьей в течение пяти дней со дня поступления заявления (ч. 2 ст. 126 ГПК РФ).

Таким образом, при поступлении надлежащим образом оформленного заявления о вынесении судебного приказа с приложенными к нему документами действия предсказуемы: будет вынесен приказ. При этом мировому судье нет необходимости проводить судебное разбирательство, вникать в суть заявленных требований, проверять достоверность их, предлагать участникам процесса раскрыть доказательства. Мировой судья проверяет: предусмотрено ли требование, изложенное в заявлении о вынесении судебного приказа, в ст. 122 ГК РФ, оплачена ли в полном объеме государственная пошлина, приложены ли необходимые документы к заявлению. Фактически судья при вынесении судебного приказа выполняет формально-техническую работу. Следовательно, по данному производству можно говорить о возможности ПП.

Заключение

Таким образом, по делам определенных категорий могут быть созданы программы ПП. Их создание облегчит доступ граждан к правосудию, уменьшит загруженность судов, позволит судьям сосредоточиться на более сложных делах. Все это в совокупности будет способствовать сокращению сроков рассмотрения дел, улучшит качество отправления правосудия.

Внедрение ИИ в деятельность судов неизбежно. Указом Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации»⁹ утверждена «Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 г.». В ее содержание (п. 48–50) программы ПП отлично вписываются.

⁸ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 16.12.2019) // СПС «КонсультантПлюс».

⁹ Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

Литература

1. Бирюков П.Н. Искусственный интеллект и «предсказанное правосудие»: зарубежный опыт / П.Н. Бирюков // *Lex Russica (Русский закон)*. 2019. № 11 (156). С. 79–87.
2. Шереметьев И.И. Использование цифровых технологий при рассмотрении уголовных дел в суде: реальность и перспективы / И.И. Шереметьев // *Lex Russica (Русский закон)*. 2019. № 5 (150). С. 117–131.

Зайков Денис Евгеньевич,
доцент кафедры гражданского
права, международного частного
права и гражданского процесса
Юридического института
Российского университета
транспорта,
кандидат юридических наук
joburist@yandex.ru

DOI: 10.18572/1812-383X-2020-5-38-42

Исковая давность по требованиям к экспедитору проблемы толкования и правоприменения

В статье на основе анализа гражданского законодательства и судебной практики рассматриваются коллизионные вопросы применения института исковой давности в спорах, вытекающих из договора транспортной экспедиции, а также предложения по устранению имеющихся противоречий.

Ключевые слова: исковая давность, договор транспортной экспедиции, претензия, иск.

Исковая давность — значимый институт материального права, имеющий важнейшее значение при разрешении гражданско-правовых споров в судебном порядке. При этом особенности правового регулирования исковой давности обуславливаются спецификой соответствующих правоотношений.

Так, в силу п. 1 ст. 196 и п. 1 ст. 197 Гражданского кодекса Российской Федерации¹ (далее — ГК РФ) общий срок исковой давности составляет три года, однако для отдельных видов требований законом могут устанавливаться специальные сроки исковой давности. Одновременно с этим, согласно п. 1 ст. 200 ГК РФ, *если законом не установлено иное*, течение срока исковой давности начинается со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права и о том, кто является надлежащим ответчиком по иску о защите этого права.

Одним из исключений из указанного общего правила является ст. 13 Федерального закона от 30 июня 2003 г. № 87-ФЗ «О транспортно-экспедиционной деятельности»² (далее — Федеральный закон № 87-ФЗ), в соответствии с которой для требований, вытекающих из договора транспортной экспедиции, срок исковой давности составляет один год. Указанный

срок исчисляется со дня возникновения права на предъявление иска.

Однако применение данной нормы права в судебной практике осуществляется крайне неоднозначно, что негативно отражается на определенности правового регулирования и создает предпосылки для нарушения прав лиц, участвующих в деле. Данное обстоятельство во многом объясняется различным толкованием рассматриваемой правовой нормы, а также расплывчатостью соответствующих разъяснений Верховного Суда Российской Федерации по вопросам судебной практики.

Первый вопрос, который встает перед лицом, применяющим ст. 13 Федерального закона № 87-ФЗ³, — как определить дату начала течения срока исковой давности (день возникновения права на предъявление иска)?

Одной из причин, существенно усложняющих правильное толкование и применение рассматриваемой нормы права, является наличие обязательного претензионного порядка рассмотрения ряда споров, вытекающих из договора транспортной экспедиции.

Так, согласно п. 1 ст. 12 Федерального закона № 87-ФЗ, до предъявления экспедитору иска, вытекающего из договора транспортной экспедиции, *обязательно предъявление экспедитору претензии*, за

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 16.12.2019, с изм. от 28.04.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

² Федеральный закон от 30 июня 2003 г. № 87-ФЗ (ред. от 18.03.2020) «О транспортно-экспедиционной деятельности» // СПС «КонсультантПлюс».

³ В силу п. 2 ст. 12 Федерального закона № 87-ФЗ право на предъявление экспедитору претензии и иска имеют клиент или уполномоченное им на предъявление претензии и иска лицо, получатель груза, указанный в договоре транспортной экспедиции, а также страховщик, приобретший право суброгации (далее — клиент).

исключением предъявления иска при оказании экспедиционных услуг для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением клиентом предпринимательской деятельности⁴.

Данное положение определило наличие позиции, в силу которой право на предъявление иска к экспедитору возникает только после направления клиентом претензии и получения ответа на нее либо в момент истечения 30-дневного срока, отведенного экспедитору для рассмотрения и уведомления клиента об удовлетворении либо отклонении претензии⁵. Этот подход был поддержан и в отказных определениях Верховного Суда Российской Федерации⁶, который указывал, что право на предъявление иска экспедитору возникает после предъявления претензии; претензия предъявляется в течение шести месяцев со дня, следующего за днем, когда груз должен быть выдан⁷.

Вместе с тем указанная позиция представляется неверной и не подлежащей применению по ряду причин.

Во-первых, ни ГК РФ, ни Федеральный закон № 87-ФЗ не содержат положений, обуславливающих начало течения срока исковой давности соблюдением обязательного претензионного порядка рассмотрения спора⁸.

Во-вторых, применение подхода, при котором срок исковой давности начинал бы свое течение после предъявления претензии, приводило бы к его зависимости от воли клиента (истца)⁹, что создавало бы правовую неопределенность в регулировании соответствующих отношений.

В-третьих, п. 4 ст. 12 Федерального закона № 87-ФЗ устанавливает правило, в силу которого претензии к экспедитору могут быть предъявлены *в течение шести месяцев со дня возникновения права на предъявление претензии*. При рассматриваемой точке зрения данное положение также приводило бы к неоднозначной правоприменительной практике в связи с неясностью последствий в разрезе рассматриваемой проблемы при нарушении указанного срока.

В-четвертых, анализируемый подход к началу течения срока исковой давности основан на обязательности соблюдения установленного претензионного порядка. Однако влияет ли его соблюдение на начало течения срока исковой давности, и каковы последствия нарушения шестимесячного срока предъявления претензии?

Несоблюдение обязательного претензионного порядка влечет за собой возвращение искового заявления¹⁰ либо оставление его без рассмотрения¹¹, но не оказывает никакого правового влияния на материальные отношения, регулирующие начало течения срока исковой давности.

Высший Арбитражный Суд Российской Федерации в Определении от 21 ноября 2013 г. № ВАС-15638/13 указал, что Федеральный закон № 87-ФЗ последствий в виде невозможности предъявления иска к экспедитору в связи с нарушением срока предъявления претензии не содержит, как не содержит и иных негативных последствий для истца.

Из пункта 4 ст. 12 Федерального закона № 87-ФЗ однозначно не следует, что шестимесячный срок предъявления

которой в зависимости от выбранного способа толкования может существенно различаться, в целях исключения неопределенности правового регулирования должно применяться с учетом общих правил исчисления срока исковой давности.

⁹ Это противоречило бы и сути запрета, установленного ст. 198 ГК РФ.

¹⁰ См.: часть 5 ст. 4, п. 5 ч. 1 ст. 129 АПК РФ.

¹¹ См.: пункт 2 ч. 1 ст. 148 АПК РФ.

⁴ Обязательный претензионный порядок не распространяется и на требования, предъявляемые экспедитором к клиенту.

⁵ См.: Шпачева Т.В. К вопросу о начале течения применяемых судами сроков // Арбитражные споры. 2015. № 2. С. 95; Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 29 мая 2015 г. по делу № А45-26503/2014 // СПС «Гарант».

⁶ Аналогичную точку зрения занимал и Высший Арбитражный Суд Российской Федерации. См., напр.: Определение Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 15 октября 2008 г. № 12890/08 // СПС «Гарант».

⁷ См.: Определения Верховного Суда Российской Федерации от 30 января 2015 г. № 303-ЭС14-6342 по делу № А51-38313/2013; от 22 декабря 2015 г. № 304-ЭС15-17675 по делу № А45-26503/2014 // СПС «Гарант».

⁸ См., напр.: Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 27 июня 2016 г. № Ф08-3986/16 по делу № А61-1052/2015; Постановление Четвертого арбитражного апелляционного суда от 4 февраля 2019 г. № 04АП-7505/18 по делу № А58-4650/2018 // СПС «Гарант». При этом указание в ст. 13 Федерального закона № 87-ФЗ на дату возникновения права на предъявление иска, определение

претензии является пресекательным и его нарушение следует расценивать как несоблюдение претензионного порядка урегулирования спора с экспедитором, влекущее невозможность рассмотрения дела судом.

В данном случае имеют значение сам факт соблюдения претензионного порядка урегулирования спора и предъявление претензии в пределах срока исковой давности, установленного законом¹². Такая позиция соответствует и сложившейся судебной практике применительно к отношениям по грузоперевозке¹³.

Таким образом, судебная практика не обращает внимания на нарушение установленного шестимесячного срока предъявления претензии при принятии решения о соблюдении обязательного претензионного порядка рассмотрения спора¹⁴. Вместе с тем последствия указанного нарушения все же имеют место быть.

Во-первых, исходя из системного анализа п. 5 и 6 ст. 12 Федерального закона № 87-ФЗ, экспедитор вправе отказать клиенту в рассмотрении претензии в связи с нарушением последним срока на ее предъявление без уважительных причин¹⁵.

Во-вторых, в силу ч. 1 ст. 111 Арбитражного процессуального кодекса РФ¹⁶ (далее — АПК РФ) в случае, если спор возник вследствие нарушения лицом, участвующим в деле, претензионного или иного досудебного порядка урегулирования спора, предусмотренного федеральным законом или договором, арбитражный суд относит

на это лицо судебные расходы независимо от результатов рассмотрения дела.

При этом, если ранее существовавшая по данному вопросу судебная практика исходила из того, что для отнесения судебных расходов на предъявителя претензии достаточно самого факта нарушения срока предъявления претензии¹⁷, то в дальнейшем она кардинальным образом изменилась.

Согласно новой позиции, применение правил ст. 111 АПК РФ при разрешении подобного рода споров является правом, а не обязанностью суда¹⁸; при этом для применения ч. 1 указанной нормы права необходимо доказать, что причиной возникновения спора является именно нарушение истцом сроков предъявления претензии, а не, например, несогласие ответчика с заявленными требованиями¹⁹. Подобная постановка вопроса фактически исключает в указанной ситуации отнесение на клиента судебных расходов независимо от результатов рассмотрения дела.

С учетом изложенного стоит констатировать, что в настоящее время в судебной практике по проблеме определения даты начала течения срока исковой давности по требованиям, вытекающим из договоров транспортной экспедиции, в целом выработан единый подход, основанный на системном толковании ст. 12, 13 Федерального закона № 87-ФЗ и ст. 200 ГК РФ, согласно которому годичный срок исковой давности исчисляется с момента, когда истец узнал или должен был узнать о нарушении своего права²⁰.

¹² Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 25 сентября 2015 г. № 13АП-17680/15 по делу № А21-10707/2014 // СПС «Гарант».

¹³ См.: пункт 42 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 6 октября 2005 г. № 30 «О некоторых вопросах практики применения Федерального закона «Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴ Напр., в силу ч. 6 ст. 39 Устава автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта претензии к перевозчикам, фрахтовщикам могут быть предъявлены в течение срока исковой давности.

¹⁵ См., напр.: Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 15 января 2010 г. № 17АП-12467/09 по делу № А60-24458/2009 // СПС «Гарант».

¹⁶ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 02.12.2019) // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁷ См., напр.: Постановление Федерального арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 21 февраля 2013 г. № Ф02-6117/12 по делу № А33-6431/2012; Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 16 сентября 2013 г. № 15АП-11764/13 по делу № А53-6619/2013 // СПС «Гарант».

¹⁸ Однако данный подход не в полной мере учитывает буквальное толкование ч. 1 ст. 111 АПК РФ, которая не предусматривает дискрецию арбитражного суда на ее применение. Ср. с ч. 2 ст. 111 АПК РФ.

¹⁹ См., напр.: Постановление Шестого арбитражного апелляционного суда от 13 ноября 2018 г. № 06АП-5625/18 по делу № А73-10451/2018; Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 22 июля 2019 г. № 09АП-38222/19 по делу № А40-45073/19 // СПС «Гарант».

²⁰ См., напр.: Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 2 февраля 2017 г.

Таким образом, срок исковой давности и срок на предъявление претензии²¹ начинают течь одновременно, а претензия в целях соблюдения требования об обязательном претензионном порядке разрешения спора может быть предъявлена клиентом экспедитору в течение срока исковой давности²².

Другая проблема, имеющая важнейшее практическое значение, обусловлена неопределенностью порядка расчета срока исковой давности по требованиям, вытекающим из договора транспортной экспедиции. Такая ситуация объясняется наличием неоднозначных подходов, имеющих место в судебной практике, в части учета претензионного порядка разрешения спора при определении срока исковой давности.

Первый из существующих подходов основан на существовавшей еще до внесения в рамках проводимой реформы гражданского законодательства изменений в правовое регулирование института исковой давности²³ позиции, согласно которой претензионный порядок входит в срок исковой давности, не продлевает его, не приостанавливает и не прерывает. Установление законодателем обязательного претензионного порядка также не означает какого-либо изменения срока исковой давности²⁴.

Иными словами, соблюдение клиентом обязательного претензионного порядка не оказывает никакого правового влияния на течение срока исковой давности, несмотря на то обстоятельство, что фактически указанная процедура уменьшает на соответствующий временной период срок для защиты права по иску. Данное обстоятельство, безусловно, представляется не обоснованным и несправедливым.

Второй подход зиждется на положениях п. 3 ст. 202 ГК РФ и п. 16 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 сентября 2015 г. № 43 «О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности»²⁵.

Так, в силу указанных положений течение срока исковой давности *приостанавливается, если стороны прибегли к несудебной процедуре разрешения спора, обращение к которой предусмотрено законом, в том числе к обязательному претензионному порядку* (например п. 1 ст. 12 Федерального закона № 87-ФЗ). В этих случаях течение исковой давности приостанавливается на срок, установленный законом для проведения этой процедуры, а при отсутствии такого срока — на шесть месяцев со дня начала соответствующей процедуры²⁶.

Однако стоит отметить, что данная позиция вызывает справедливые возражения, так как она основана на расширенном толковании п. 3 ст. 202 ГК РФ, прямо не предусматривающего распространение его действия на обязательный претензионный порядок²⁷.

№ Ф02-7995/16 по делу № А19-21238/2015 ; Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 30 октября 2018 г. № Ф06-38991/18 по делу № А55-799/2018 по делу № А55-799/2018 // СПС «Гарант».

²¹ См.: пункт 4 ст. 12 Федерального закона № 87-ФЗ, устанавливающий правила определения даты возникновения права на предъявление претензии.

²² Аналогичный подход закреплен в ст. 125 Устава железнодорожного транспорта Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс».

²³ См.: Федеральный закон от 7 мая 2013 г. № 100-ФЗ «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

²⁴ См.: Определение Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 28 февраля 2013 г. № ВАС-17625/12 ; Постановление Федерального арбитражного суда Поволжского округа от 24 января 2014 г. по делу № А57-22834/2012 ; Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 24 мая 2019 г. № 17АП-5154/19 по делу № А60-67837/2018 // СПС «Гарант».

²⁵ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 сентября 2015 г. № 43 (ред. от 07.02.2017) «О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности» // СПС «КонсультантПлюс».

²⁶ См., напр.: Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 6 июня 2016 г. № 301-ЭС16-537 ; Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 2 февраля 2017 г. № Ф02-7995/16 по делу № А19-21238/2015 ; Постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 20 декабря 2018 г. № 19АП-9261/18 по делу № А35-12494/2017 // СПС «Гарант».

²⁷ См., напр.: Сергеев А.П., Терещенко Т.А. Исковая давность: отдельные противоречия правового регулирования и связанные с этим проблемы правоприменения // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2017. № 2. С. 36–47.

Вместе с тем второй подход по вполне понятным причинам становится приоритетным, но и в его применении отсутствует единообразие. Причиной последнего является наличие различных позиций арбитражных судов по влиянию претензионного порядка на срок исковой давности — его течение должно приостанавливаться на срок, установленный законом для проведения обязательного претензионного порядка. Однако суды совершенно по-разному трактуют длительность такого срока.

Ряд арбитражных судов придерживается позиции, в силу которой в процедуру досудебного рассмотрения спора входит как предусмотренный п. 4 ст. 12 Федерального закона № 87-ФЗ шестимесячный срок на предъявление претензии, так и установленный п. 5 указанной нормы права 30-дневный срок рассмотрения претензии экспедитором. Соответственно, срок исковой давности рассчитывается следующим образом: шесть месяцев на предъявление претензии + 30 дней на рассмотрение претензии и дачу ответа на нее + один год (срок исковой давности, установленный ст. 13 Федерального закона № 87-ФЗ)²⁸.

По нашему мнению, такой подход является неверным, нарушающим требования п. 3 ст. 202 ГК РФ и основанным на

ошибочном толковании ст. 12 Федерального закона № 87-ФЗ.

Во-первых, наличие и соблюдение претензионного порядка рассмотрения спора приостанавливают срок исковой давности, а не сдвигают дату начала его исчисления.

Во-вторых, отсутствуют правовые основания для включения в процедуру разрешения спора во внесудебном порядке срока на предъявление претензии; в нее входит лишь срок на рассмотрение экспедитором претензии и дачи ответа на нее (30 дней).

Учитывая изложенное, другие арбитражные суды имеют иную точку зрения, основанную на буквальном применении второго подхода: течение срока исковой давности (один год) в случае предъявления клиентом экспедитору претензии приостанавливается на 30 дней, после чего продолжается его течение; оставшаяся после приостановления часть срока исковой давности, если она составляет менее шести месяцев, удлиняется до шести месяцев²⁹. Данная позиция в большей степени отвечает требованиям законности и обоснованности.

Таким образом, существующая судебная практика по вопросам применения исковой давности в спорах, вытекающих из договора транспортной экспедиции, неоднородна и нестабильна, что негативно влияет на правовую определенность использования указанного правового института и требует унификации и совершенствования.

²⁸ См., напр.: пункт 17 Обзора судебной практики по спорам, связанным с договорами перевозки груза и транспортной экспедиции, утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 20 декабря 2017 г.; Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 24 октября 2018 г. № 07АП-8720/18 по делу № А45-41319/2017; Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 20 декабря 2018 г. № 19АП-9261/18 по делу № А35-12494/2017 // СПС «Гарант».

²⁹ См., напр.: Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 29 июля 2016 г. № 17АП-8093/16 по делу № А60-60499/2015; Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 2 февраля 2017 г. № Ф02-7995/16 по делу № А19-21238/2015 // СПС «Гарант».

Литература

1. Сергеев А.П. Исковая давность: отдельные противоречия правового регулирования и связанные с этим проблемы правоприменения / А.П. Сергеев, Т.А. Терещенко // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2017. № 2. С. 36–47.
2. Шпачева Т.В. К вопросу о начале течения применяемых судами сроков / Т.В. Шпачева // Арбитражные споры. 2015. № 2. С. 95–100.

Емалтынов**Андрей Рауфович,**преподаватель кафедры
гражданского процесса
Уральского государственного
юридического университета,
кандидат юридических наук
kafedra.gp@gmail.com

DOI: 10.18572/1812-383X-2020-5-43-47

Процессуальные аспекты уменьшения размера субсидиарной ответственности в связи с раскрытием информации о контролирурующих лицах

В статье рассматриваются некоторые процессуальные аспекты освобождения от субсидиарной ответственности и уменьшения ее размера в связи с оказанием содействия в раскрытии информации о фактических контролирующих должника лицах в процедурах банкротства. Автор отмечает особенности субъектного состава такого рода обособленных споров, предмета и способов доказывания, пределов судебного усмотрения.

Ключевые слова: субсидиарная ответственность, банкротство, доказывание, номинальный руководитель, контролирующие лица.

Пунктом 9 ст. 61.11 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»¹ (далее — Федеральный закон № 127-ФЗ) предусматривается право суда уменьшить размер или полностью освободить лицо от субсидиарной ответственности, если это лицо докажет, что оно при исполнении функций органов управления или учредителя (участника) юридического лица фактически не оказывало определяющего влияния на деятельность юридического лица, и если благодаря предоставленным этим лицом сведениям установлено фактически контролировавшее должника лицо².

Пленум Верховного Суда Российской Федерации применил ограничительное толкование указанной нормы, упомянув в п. 6 Постановления от 21 декабря 2017 г. № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве»³ (далее — Постановление Пленума ВС РФ № 53) лишь возможность уменьшения размера субсидиарной ответственности. Это обусловлено

тем, что номинальное руководство юридическим лицом не означает потерю возможности оказания влияния на должника и не освобождает от осуществления обязанностей по обеспечению надлежащей работы системы управления юридическим лицом. Исследователи отмечают, что результатом данного толкования стало снижение случаев полного освобождения от субсидиарной ответственности⁴. Известны судебные акты, в которых подчеркивается именно ограничительный подход к снижению ответственности номинального руководителя⁵.

Действующее правовое регулирование в наибольшей степени способствует достижению целей института субсидиарной ответственности. Утилитарная цель привлечения к субсидиарной ответственности для всех разумных и добросовестных кредиторов состоит в максимально возможном восстановлении нарушенных имущественных интересов, а не в формальном применении санкции к лицам, злоупотребляющим правовыми возможностями. Поэтому для участников оборота важно привлечь к ответственности реального бенефициара, обладающего, вероятно, имуществом для восполнения потерь кредиторов⁶.

¹ Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ (ред. от 24.04.2020) «О несостоятельности (банкротстве)» // СПС «КонсультантПлюс».

² Далее для удобства чтения такие лица будут именоваться номинальными руководителями, а фактически контролирующие лица — бенефициарами.

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2017 г. № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Морхат П.М. Субсидиарная ответственность номинальных директоров: анализ практики арбитражных судов // Судья. 2019. № 3. С. 43–50.

⁵ Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 26 июля 2018 г. № Ф09-3499/18 по делу № А76-23547/2013 // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Аракелов С.А., Чекмышев К.Н., Солдатенков В.Ю. Институт субсидиарной ответственности как новый фактор экономического развития //

Таким образом обеспечивается достижение ретрибутивной справедливости⁷, воздающей ответственность каждому соответственно степени вины. Нельзя не отметить и серьезную стимулирующую направленность нормы, побуждающей к раскрытию фактических бенефициаров не путем принуждения или угрозы применения санкций, а за счет поощрения собственных интересов номинального руководителя. Это также способствует восполнению пробелов информирования независимых кредиторов о подлинном характере и способах управления должником, что необходимо для полноценной оценки и максимально возможного удовлетворения требований.

Лицо, в отношении которого в рамках дела о банкротстве подано заявление о привлечении к ответственности, имеет права и несет обязанности лица, участвующего в деле о банкротстве, как ответчик по этому заявлению (п. 1 ст. 65.1 Федерального закона № 127-ФЗ).

Поскольку статус контролирующего лица является одним из обстоятельств, на которых основывается заявление о привлечении к ответственности, доказательства вхождения в состав органов управления юридического лица должны быть приложены к заявлению, в противном случае суд вправе оставить заявление без движения, а при неустранении допущенных нарушений — вернуть его (п. 33 Постановления Пленума ВС РФ № 53).

Для споров о привлечении контролирующих лиц к субсидиарной ответственности, как и для других обособленных споров в делах о банкротстве, характерны многосубъектность, наличие отдельного субъектного состава обособленного спора, не совпадающего с составом основного правоотношения⁸. В каждом таком споре участвуют основные участники дела о банкротстве и непосредственные участники обособленного спора (п. 14–15 Постановления Пленума ВАС РФ от 22 июня 2012 г. № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел

о банкротстве»⁹). Федеральный закон № 127-ФЗ, являясь специальным по отношению к Арбитражному процессуальному кодексу РФ¹⁰ (далее — АПК РФ), содержит обстоятельную регламентацию статуса каждого из этих лиц. Номинальный руководитель и другие контролирующие лица относятся к непосредственным участникам обособленного спора.

В каком-то смысле особенностью статуса участников дел, в которых ставится вопрос об уменьшении размера субсидиарной ответственности, можно назвать фактическую общность интересов заявителей и ответчика — номинального руководителя. Номинальный руководитель и заявители имеют общий процессуальный интерес — установление фактического бенефициара организации, что будет отвечать материально-правовому интересу ответчика — номинального руководителя (уменьшение размера ответственности в солидарном обязательстве) и интересу заявителя (реальное возмещение потерь за счет контролирующего лица). В рамках общности разнонаправленных, на первый взгляд, интересов процессуальное поведение номинального руководителя направлено не только на уменьшение собственной ответственности, но и на достижение интереса истца вопреки интересам ответчика — фактического бенефициара. Процессуальное соучастие на стороне ответчика, несмотря на то, что предметом спора являются общие, однородные, имеющие одно основание, права и обязанности нескольких ответчиков¹¹, характеризуется противоположностью — каждый ответчик не считает себя контролирующим лицом и прилагает усилия к признанию таковым другого ответчика.

Процессуальный статус номинального руководителя обусловлен его материально-правовым статусом лица, входящего в состав органов управления юридического лица (единоличный или коллегиальный исполнительный орган, участник, учредитель, ликвидатор).

Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. № 4. С. 146–158.

⁷ Богданов Д.Е., Богданова С.Г. Проблема полифункциональности гражданско-правовой ответственности: сравнительно-правовой аспект // Гражданское право. 2018. № 6. С. 32–35.

⁸ Подольский Ю.Д. Обособленные споры в банкротстве: моногр. М.: Статус, 2020. С. 70.

⁹ Постановление Пленума ВАС РФ от 22 июня 2012 г. № 35 (ред. от 21.12.2017) «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 02.12.2019) // СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ Арбитражный процесс: учебник / А.В. Абсаямов [и др.]; отв. ред. В.В. Ярков. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Статус, 2017. 752 с.

Важно подчеркнуть, что номинальное руководство может возникнуть при самых разных обстоятельствах, в том числе и при отсутствии намерения причинить вред третьим лицам, что делает еще более актуальным рассмотрение вопросов уменьшения или полного освобождения от ответственности. Например, суды учитывают при уменьшении размера ответственности тяжелое материальное положение и неопытность в делах руководителя¹², наличие тяжелой болезни¹³, назначение директорами бывших работников, которые, однако, продолжали выполнять прежний объем трудовых функций¹⁴.

В подпунктах 1 и 2 п. 4 ст. 61.10 Федерального закона № 127-ФЗ установлен круг лиц, в отношении которых действует опровержимая презумпция того, что именно они определяли действия должника.

Номинальный руководитель для освобождения или уменьшения размера ответственности должен доказать два юридически значимых обстоятельства: отсутствие влияния на деятельность должника; выявление бенефициара или местонахождения скрытого имущества, так как в противном случае факт нахождения в составе органов управления презюмирует и факт осуществления контроля за деятельностью юридического лица. Также номинальный руководитель вправе выдвигать и иные возражения, которые доступны любым другим лицам, привлекаемым к ответственности¹⁵.

Ценность закрепления данной презумпции в том, что возможность заявителей представить исчерпывающие основания ответственности и выявить всю полноту информации о деятельности должника объективным образом ограничена, поэтому предъявление к ним высокого стандарта доказывания привело бы к существенному

затруднению доказывания статуса фактически контролирующих лиц. Как отмечается в Определении Верховного Суда Российской Федерации от 15 февраля 2018 г. по делу № А33-1677/2013¹⁶, конечный бенефициар, не имеющий соответствующих формальных полномочий, не заинтересован в раскрытии своего статуса контролирующего лица. Наоборот, он обычно скрывает наличие возможности оказания влияния на должника. Его отношения с подконтрольным юридическим лицом не регламентированы какими-либо нормативными или локальными актами, которые бы устанавливали соответствующие правила, стандарты поведения.

В этом же определении, воспринятом судебной практикой, выработаны критерии вовлеченности различных лиц в бизнес-процессы и подтверждена возможность перераспределения бремени доказывания¹⁷: «...действия субъектов синхронны в отсутствие к тому объективных экономических причин; они противоречат экономическим интересам должника и одновременно ведут к существенному приросту имущества лица, привлекаемого к ответственности; данные действия не могли иметь место ни при каких иных обстоятельствах, кроме как при наличии подчиненности одного другому и т.д. Учитывая объективную сложность получения арбитражным управляющим, кредиторами отсутствующих у них прямых доказательств дачи указаний, судами должна приниматься во внимание совокупность согласующихся между собой косвенных доказательств, сформированная на основании анализа поведения упомянутых субъектов. Если заинтересованные лица привели достаточно серьезные доводы и представили существенные косвенные доказательства, которые во взаимосвязи позволяют признать убедительными их аргументы о возникновении отношений фактического контроля и подчиненности,

¹² Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 24 апреля 2018 г. № Ф09-1415/18 по делу № А60-52633/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

¹³ Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 25 июля 2019 г. № Ф09-2158/17 по делу № А50-20911/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴ Определение Арбитражного суда Свердловской области от 17 февраля 2020 г. по делу № А60-35727/2016 // URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/dTkip21UuydH/>

¹⁵ Подробнее об этом: Суворов Е.Д. Возражения субсидиарного должника по обязательствам несостоятельного лица как способ достижения баланса конституционно значимых интересов // Закон. 2018. № 7. С. 50–67.

¹⁶ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 15 февраля 2018 г. № 302-ЭС14-1472 (4, 5, 7) по делу № А33-1677/2013 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁷ Аналогичная позиция применена в Постановлениях Арбитражного суда Уральского округа от 26 февраля 2018 г. № Ф09-8412/16 по делу № А60-40163/2014 ; от 24 августа 2017 г. № Ф09-7888/16 по делу № А50-5271/2015 ; от 25 июля 2017 г. № Ф09-4347/17 по делу № А60-1753/2016 ; в Определении Арбитражного суда Свердловской области от 19 июля 2018 г. № А60-50826/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

в силу ст. 65 АПК РФ бремя доказывания обратного переходит на привлекаемое к ответственности лицо».

Пока обстоятельство презюмируется, оно не подлежит доказыванию, ибо предполагается его установленность, что не исключает вхождения такого факта в предмет доказывания. Как только презумпция опровергнута, презюмируемое ранее обстоятельство подлежит доказыванию. Презумпции ускоряют процесс доказывания, влияя на распределение бремени доказывания, но не освобождают от доказывания¹⁸.

Отсутствие фактического контроля устанавливается посредством определения степени вовлеченности лица, привлекаемого к субсидиарной ответственности, в процесс управления банкротом. При этом проверяется, насколько значительным было его влияние на принятие существенных деловых решений относительно деятельности должника. Если сделки, изменившие экономическую и (или) юридическую судьбу должника, заключены под влиянием лица, определившего существенные условия этих сделок, такое лицо подлежит признанию контролирующим должника.

Уже из этого следует необходимость раскрытия фактически контролирующей деятельностью должника лиц. Ограничение позиции по делу лишь отрицанием принятия каких-либо управленческих решений недостаточно для уменьшения ответственности, поскольку в противном случае не представляется в полной мере оценить, какова была роль лица, считающего себя номинальным руководителем, в том или ином правоотношении.

Особенностью рассматриваемых нами вопросов является допустимость перераспределения бремени доказывания не только при предоставлении косвенных доказательств стороной заявителя, но и при предоставлении таковых ответчиком — номинальным руководителем¹⁹. Пред-

ставляется, что с содержательной стороны отсутствуют различия в основаниях перераспределения бремени доказывания — и в том и в другом случае таковым является получение судом косвенных доказательств относительно действий контролирующего лица. Различие заключается лишь в процессуальном положении лица, предоставившего информацию.

Формулировка оснований уменьшения ответственности требует широкого судебного усмотрения.

Судебным усмотрением является элемент судебной правоприменительной деятельности, заключающийся в выборе мотивированного законного и обоснованного решения, совершаемого по конкретному юридическому делу в пределах, установленных нормой права. Усмотрение осуществляется в рамках норм материального права, обстоятельств дела, правоположений судебной практики, принципов права²⁰. Границы судебного усмотрения при применении норм процессуального права устанавливаются с учетом процессуальных юридических фактов²¹.

Судебное усмотрение широко применяется и используется только в том случае, когда отсутствует конкретизация той или иной нормы права, правовое регулирование общественных отношений отягощено оценочными категориями, правоприменительная практика не сформировалась или не имеет единообразия²².

Этот атрибут наиболее полно отражает особенность рассмотрения вопросов об уменьшении размера субсидиарной ответственности. Суду необходимо исследовать весьма оценочные категории, такие как «степень вовлеченности», «полнота и до-

подтвердивших это обстоятельство. На основании в значительной степени этих документов суд установил основания ответственности истинного бенефициара и основания уменьшения ответственности директора.

¹⁸ Решетникова И. В. Презумпции и фикции в арбитражном процессе // Вестник гражданского процесса. 2019. № 1. С. 16–28.

¹⁹ Примером может послужить Определение Арбитражного суда Свердловской области от 17 февраля 2020 г. по делу № А60-35727/2016. В этом деле заявителям были доступны лишь судебные акты, которые свидетельствовали о наличии теневого бенефициара. Директор должника, не принимавший каких-либо управленческих решений, представил многочисленные письменные распоряжения контролирующего лица и обеспечил явку свидетелей,

²⁰ Берг Л. Н. Судебное усмотрение и его пределы (общетеоретический аспект) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2008. 22 с.

²¹ Ярков В. В. Юридические факты в механизме реализации норм гражданского процессуального права : дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1992. С. 39.

²² Белякова А. В. Судебная практика по отдельным категориям дел в контексте правового мониторинга (на примере института защиты права на судопроизводство в разумный срок) // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 6. С. 127–141.

статочность информации», устанавливать, насколько способствовала раскрытая информация выявлению контролирующего лица или его имущества, уменьшать размер ответственности в отсутствие однозначных и сложившихся подходов судебной практики.

Оценивая обстоятельства дела, чрезвычайно важно не ограничиваться формальным применением закона, а учитывать общие принципы всякой юридической ответственности, включающие в себя соразмерность (пропорциональность) ответственности, справедливость наказания, его индивидуализацию и дифференцированность, характер правонарушения, размер причиненного вреда, степень вины правонарушителя, его имущественное положение и иные существенные обстоятельства²³.

Результат судебного усмотрения должен приводить к сбалансированному решению. С одной стороны, уменьшение размера ответственности не должно быть настолько существенным, чтобы риск привлечения к ответственности становился бы прием-

лемым для номинальных руководителей и бенефициаров, так как в этом случае размер ответственности может восприниматься как тариф или преодолимые издержки недобросовестного ведения дел. С другой стороны, номинальный руководитель, как правило, не может располагать всей полнотой информации о деятельности юридического лица, подлинных экономических смыслах отношений, существенности и всей полноты последствий для организации. В этой связи и слишком высокие требования к доказыванию, и серьезный размер санкций едва ли будут побуждать номинального руководителя к сотрудничеству, так как информация, не признанная судом значимой, может быть использована против самого номинального руководителя.

В этой связи, с учетом индивидуальности обстоятельств каждого конкретного дела, роль номинального руководителя, основания и размер уменьшения ответственности могут быть оценены исключительно судом и не могут устанавливаться абстрактно. Для достижения этого результата суды используют различные доказательства в их совокупности, особенностью является, как правило, отсутствие прямых доказательств.

²³ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2005 г. № 9-П // СПС «КонсультантПлюс».

Литература

1. Аракелов С.А. Институт субсидиарной ответственности как новый фактор экономического развития / С.А. Аракелов, К.Н. Чекмышев, В.Ю. Солдатенков // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. № 4. С. 146–158.
2. Арбитражный процесс : учебник / А.В. Абсалямов [и др.] ; ответственный редактор В.В. Ярков. 7-е изд., перераб. и доп. Москва : Статут, 2017. 752 с.
3. Белякова А.В. Судебная практика по отдельным категориям дел в контексте правового мониторинга (на примере института защиты права на судопроизводство в разумный срок) / А.В. Белякова // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 6. С. 127–141.
4. Берг Л.Н. Судебное усмотрение и его пределы (общетеоретический аспект) : автореферат диссертации кандидата юридических наук / Л.Н. Берг. Екатеринбург, 2008. 22 с.
5. Богданов Д.Е. Проблема полифункциональности гражданско-правовой ответственности: сравнительно-правовой аспект / Д.Е. Богданов, С.Г. Богданова // Гражданское право. 2018. № 6. С. 32–35.
6. Морхат П.М. Субсидиарная ответственность номинальных директоров: анализ практики арбитражных судов / П.М. Морхат // Судья. 2019. № 3. С. 43–50.
7. Подольский Ю.Д. Обособленные споры в банкротстве : монография / Ю.Д. Подольский. Москва : Статут, 2020. 171 с.
8. Решетникова И.В. Презумпции и фикции в арбитражном процессе / И.В. Решетникова // Вестник гражданского процесса. 2019. № 1. С. 16–28.
9. Суворов Е.Д. Возражения субсидиарного должника по обязательствам несостоятельного лица как способ достижения баланса конституционно значимых интересов / Е.Д. Суворов // Закон. 2018. № 7. С. 50–67.
10. Ярков В.В. Юридические факты в механизме реализации норм гражданского процессуального права : диссертация доктора юридических наук / В.В. Ярков. Екатеринбург, 1992. 523 с.

Герасимова**Оксана Александровна,**старший преподаватель кафедры
гражданского права и процесса
Красноярского государственного
аграрного университета
ogerasimova@list.ru

DOI: 10.18572/1812-383X-2020-5-48-51

Оспаривание соглашения об уплате алиментов в деле о банкротстве гражданина

В статье на основе анализа судебной практики рассматривается вопрос об оспаривании в деле о банкротстве гражданина соглашения об уплате алиментов, заключенного должником. На основании правовых позиций арбитражных судов и Верховного Суда Российской Федерации изложены обстоятельства, при установлении которых суды признают соглашение об уплате алиментов недействительным на основании ст. 10 и 168, 179 Гражданского кодекса Российской Федерации*, ст. 61.2 и 61.3 Федерального закона от 26 октября 2002 г. №127 «О несостоятельности (банкротстве)»**.

Ключевые слова: банкротство гражданина, требование о взыскании алиментов, соглашение об уплате алиментов, оспаривание сделки должника, признание недействительным соглашения об уплате алиментов.

В соответствии с п. 3 ст. 213.27 Федерального закона от 26 октября 2002 г. №127 «О несостоятельности (банкротстве)» (далее — Федеральный закон № 127-ФЗ) требования о взыскании алиментов, включенные в реестр требований кредиторов, относятся к первой очереди¹. Соответственно, при наличии такого требования в реестре вероятность удовлетворения требований кредиторов, которые относятся к последующим очередям, существенно снижается. А если сумма требования о взыскании алиментов превышает стоимость реализованного имущества должника, требования таких кредиторов остаются без удовлетворения. Осознавая это, некоторые граждане искусственно создают задолженность по уплате алиментов путем заключения с супругом или бывшим супругом соглашения об уплате алиментов на несовершеннолетнего ребенка. В результате нарушаются имущественные интересы остальных кредиторов.

Из пункта 1 ст. 61.1, п. 1 ст. 213.32 Федерального закона № 127-ФЗ следует, что сделки должника могут быть признаны недействительными по основаниям, предусмотренным Гражданским кодексом Российской Федерации (далее — ГК РФ), а также по основаниям, предусмотренным ст. 61.2 и 61.3 Федерального закона № 127-ФЗ. При этом следует учитывать, что сделки, заключенные должником до 1 октября 2015 г.

с целью причинить вред кредиторам, могут быть признаны недействительными на основании ст. 10 ГК РФ, а не по основаниям, предусмотренным ст. 61.2 и 61.3 Федерального закона № 127-ФЗ (п. 13 ст. 14 Федерального закона от 29 июня 2015 г. № 154-ФЗ «Об урегулировании особенностей несостоятельности (банкротства) на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»²).

В соответствии с п. 12 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. № 48 «О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан»³ (далее — Постановление Пленума ВС РФ № 48) в рамках дела о банкротстве рассматривает-

² Федеральный закон от 29 июня 2015 г. № 154-ФЗ (ред. от 29.07.2017) «Об урегулировании особенностей несостоятельности (банкротства) на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

³ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. № 48 «О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан» // СПС «КонсультантПлюс».

¹ Там же.

* Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 16.12.2019, с изм. от 28.04.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

** Федеральный закон от 26 октября 2002 г. №127 «О несостоятельности (банкротстве)» // СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

ся заявление финансового управляющего, кредитора должника о признании недействительным соглашения об уплате алиментов в той части, в которой предоставление, причитающееся получателю алиментов, превосходит его разумно достаточные потребности, чем причиняется ущерб интересам иных кредиторов (ст. 61.2 Федерального закона № 127-ФЗ, ст. 10 и 168, 170 ГК РФ). При этом арбитражный суд при разрешении вопроса о недействительности такого соглашения должен проверить наличие направленности сделки на достижение противоположных целей именно в момент ее совершения⁴.

К первой очереди относятся требования о взыскании алиментов только в части основной задолженности. Если же вследствие ненадлежащего исполнения алиментного обязательства на сумму задолженности начислена неустойка, то требование о ее взыскании относится к требованиям, удовлетворяемым в третью очередь (абз. 5 п. 12 Постановления Пленума ВС РФ № 48).

Просьба о включении в реестр требований кредиторов основной задолженности по алиментам удовлетворяется только при наличии постановления суда общей юрисдикции (судебного приказа или решения суда) либо нотариально удостоверенного соглашения об уплате алиментов, подтверждающих эту задолженность⁵. В противном случае требование кредитора не подлежит удовлетворению, так как споры о взыскании алиментов относятся к компетенции судов общей юрисдикции, а не арбитражных судов. Иначе решается вопрос о включении в реестр требования кредитора о взыскании неустойки, начисленной на сумму задолженности по алиментам. Если сама задолженность определена судебным постановлением или соглашением об уплате алиментов, то требование о взыскании неустойки рассматривается арбитражным судом в деле о банкротстве, даже в отсутствие судебного постановления о взыскании неустойки (абз. 5 п. 12 Постановления Пленума ВС РФ № 48).

Соглашение об уплате алиментов, имеющее признаки подозрительной сделки (ст. 61.2 Федерального закона № 127-ФЗ), является оспоримой сделкой. Следовательно, заявлению кредитора о включении в реестр требования о взыскании задолженности по алиментам на основании соглашения не

может противопоставляться возражение относительно недействительности соглашения ввиду наличия признаков подозрительной сделки. Отказ во включении в реестр требования, основанного на подозрительной сделке, возможен только при признании арбитражным судом такой сделки недействительной на основании заявления финансового управляющего или кредитора, отвечающего критериям, предусмотренным п. 1 ст. 213.32 Федерального закона № 127-ФЗ. Такой вывод подтверждается абз. 3 п. 4 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23 декабря 2010 г. № 63⁶ (далее — Постановление Пленума ВАС РФ № 63).

Если же соглашение об уплате алиментов является ничтожным на основании ст. 10 и 168, 170 ГК РФ, то признание его недействительным не требуется, но отказ во включении требования, основанного на таком соглашении, сопровождается констатацией факта недействительности такого соглашения⁷. Однако при заявлении кредитором требования о включении задолженности по алиментам в реестр требований кредиторов финансовые управляющие, кредиторы, полагающие, что соглашение об уплате алиментов ничтожно по указанным выше основаниям, заявляют обычно требование о признании такого соглашения недействительным⁸.

Особенность оспаривания соглашения об уплате алиментов связана с тем, что такое соглашение не является обычной возмездной гражданско-правовой сделкой. Обязанность родителей содержать несовершеннолетних детей установлена законом (п. 1 ст. 80 Семейного кодекса Российской Федерации⁹, далее — СК РФ). Соглашением об уплате алиментов на несовершеннолетних детей размер алиментов не может быть ниже размера алиментов, установленных п. 1 ст. 81 СК РФ

⁴ Там же.

⁵ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 10 июня 2019 г. № 309-ЭС19-8086 и Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 26 февраля 2019 г. по делу № А07-40411/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23 декабря 2010 г. № 63 (ред. от 30.07.2013) «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» // Вестник ВАС РФ. 2011. № 3.

⁷ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 2 мая 2017 г. № 304-ЭС17-3813 // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 31 января 2017 г. по делу № А03-18961/2015, Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 16 января 2020 г. по делу № А65-16412/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

⁹ Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 06.02.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

для случаев взыскания алиментов в судебном порядке. Установление в соглашении об уплате алиментов выплат в размере большем, чем установлено законом, с одной стороны, служит интересам ребенка. Однако, с другой стороны, интересы кредиторов, чьи требования относятся к последующим очередям, так же не должны ущемляться.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации в одном из своих определений указала на необходимость при разрешении требования об оспаривании соглашения об уплате алиментов устанавливать баланс между правом ребенка на уровень жизни, необходимый для физического, умственного, нравственного, духовного и социального развития, и правом кредитора на получение надлежащего исполнения от должника. Однако под таким балансом интересов не следует понимать равенство интересов ребенка и кредиторов, интересы ребенка имеют приоритетное значение перед интересами остальных кредиторов. Поэтому само по себе ухудшение соглашением об уплате алиментов положения кредиторов, имеющих требования, относящиеся к более низкой очередности, не является достаточным основанием для признания этого соглашения недействительным. Для квалификации соглашения об уплате алиментов недействительной сделкой суду необходимо установить, что установленный соглашением размер алиментов чрезмерен (исходя из размера алиментов в денежном выражении, выделенных ребенку в соответствии с соглашением) и превышает разумно достаточные потребности ребенка в его материальном содержании. Также необходимо учитывать, что в части размера алиментов, взыскиваемых в судебном порядке на основании п. 1 ст. 81 СК РФ, соглашение не может быть признано недействительным¹⁰.

Так, Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации пришла к выводу о злоупотреблении правом сторонами соглашения об уплате алиментов, по условиям которого должник обязался выплачивать супруге алименты на двоих несовершеннолетних детей в сумме 8 млн рублей ежемесячно. Нижестоящие суды пришли к выводу о том, что соглашение об уплате алиментов было заключено должником с целью искусственного увеличения кредиторской задолженности, поскольку в момент заключения соглашения должник

уже отвечал признакам неплатежеспособности, при этом он принял на себя заведомо неисполнимое обязательство, превышающее разумный размер алиментов¹¹.

Соглашение об уплате алиментов может быть признано недействительным на основании п. 2 ст. 61.2 Федерального закона № 127-ФЗ, если имеется совокупность следующих обстоятельств:

1) заключение соглашения в течение трех лет до принятия арбитражным судом заявления о признании должника банкротом или после принятия этого заявления;

2) заключение соглашения с целью причинения вреда имущественным правам кредиторов. Цель причинения вреда презюмируется, если на момент заключения соглашения должник отвечал или в результате заключения соглашения стал отвечать признаку неплатежеспособности или недостаточности имущества, при этом соглашение заключено в отношении заинтересованного лица. Супруг в соответствии с п. 3 ст. 19 Федерального закона № 127-ФЗ относится к заинтересованным лицам;

3) причинение вреда имущественным правам кредиторов в результате заключения соглашения. Причинением вреда является уменьшение стоимости или размера имущества должника и (или) увеличение размера имущественных требований к должнику, а также иные последствия совершенных должником сделок или юридически значимых действий, приведшие или могущие привести к полной или частичной утрате возможности кредиторов получить удовлетворение своих требований по обязательствам должника за счет его имущества (п. 5 Постановления Пленума ВАС РФ № 63);

4) знание другой стороны соглашения на момент его заключения о том, что соглашение заключается с целью причинения вреда имущественным правам кредиторов. В связи с тем, что супруг должника относится к заинтересованным лицам, предполагается, если не доказано обратное, что он знал о такой цели (п. 7 Постановления Пленума ВАС РФ № 63). Бывший супруг не относится к заинтересованным лицам. Однако в случае заключения соглашения об уплате алиментов с бывшим супругом после официального опубликования сообщения о введении в отношении должника процедуры реструктуризации суд может прийти к выводу о том, что бывший супруг на момент заключения соглашения знал о неплатежеспособности должника и об

¹⁰ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2017 г. № 310-ЭС17-9405 (1, 2) // СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 2 августа 2018 г. № 305-ЭС18-1570 // СПС «КонсультантПлюс».

ущемлении интересов кредиторов в связи с заключением такого соглашения¹².

В некоторых случаях получатель и плательщик алиментов в преддверии или после возбуждения производства по делу о банкротстве заключают соглашение об уплате алиментов, по которому плательщик алиментов обязуется выплатить алименты одновременно в счет будущих платежей. Заключение соглашения на таких условиях суд может признать злоупотреблением правом, а соглашение — недействительным, если согласованная сумма алиментов несоразмерна материальному положению должника. Так, должник, имевший задолженность перед банком в сумме почти 7 миллионов рублей, заключил с матерью ребенка — получателем алиментов — соглашение, по которому обязался одновременно выплатить алименты за 15 лет вперед в сумме 9 миллионов рублей. Суд признал это соглашение недействительным на основании ст. 10 и 168 ГК РФ¹³. В другом деле о признании соглашения об уплате алиментов недействительным на основании ст. 61.3 Федерального закона № 127-ФЗ суд указал, что установление соглашением обязательства по выплате одновременно алиментов, срок платежей по которым еще не наступил (за 161 месяц вперед), представляет собой получение одним из кредиторов предпочтения перед другими кредиторами, срок исполнения обязательств перед которыми уже наступил¹⁴.

Однако суд может отказать в признании недействительным соглашения об уплате алиментов, если в нем установлена обязанность должника выплатить одновременно сумму в связи с наличием задолженности по алиментам за предшествующий период¹⁵.

При разрешении вопроса о недействительности соглашения об уплате алиментов суды оценивают не только соответствие размера алиментов разумным потребностям

ребенка, но и соотношение согласованного размера алиментов с доходом должника. Если должник принимает на себя обязательство по уплате алиментов в размере большем, чем его доход, это свидетельствует о его недобросовестном поведении с целью причинения вреда имущественным интересам кредиторов¹⁶.

О злоупотреблении правом кредитором — получателем алиментов при обращении в арбитражный суд с заявлением о включении требования о взыскании алиментов в реестр требований кредиторов может свидетельствовать и то, что получатель алиментов, несмотря на неисполнение должником своих обязательств по соглашению об уплате алиментов, на протяжении длительного времени, исчисляемого годами, не обращался в службу судебных приставов для принудительного исполнения, и только после возбуждения производства по делу о банкротстве заявил о включении требования о взыскании алиментов в реестр¹⁷. Это означает, что получатель алиментов не имел интереса в исполнении соглашения, а предъявление требования о включении задолженности по алиментам в реестр направлено не на материальное обеспечение ребенка, а на причинение вреда имущественным интересам кредиторов последующих очередей. Отсутствие такого интереса может быть связано с тем, что и на момент заключения соглашения, и на момент возбуждения дела о банкротстве должник и получатель алиментов продолжают состоять в браке и/или совместно проживать¹⁸. Кроме того, если получатель алиментов, несмотря на неисполнение должником условий соглашения об уплате алиментов, длительное время, вплоть до возбуждения производства по делу о банкротстве, не обращался за его принудительным исполнением, то суд может прийти к выводу о том, что соглашение является мнимой сделкой (п. 1 ст. 170 ГК РФ)¹⁹.

¹² Постановление Арбитражного суда Московского округа от 1 февраля 2017 г. по делу № А41-78484/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

¹³ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 17 июня 2019 г. № 301-ЭС19-2784 (2) и Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 20 февраля 2019 г. по делу № А43-20053/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 6 февраля 2019 г. по делу № А40-145641/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁵ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 15 декабря 2017 г. № 307-ЭС17-18913 и Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 29 сентября 2017 г. по делу № А21-8796/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁶ Определения Верховного Суда Российской Федерации от 29 августа 2018 г. № 305-ЭС18-9309, от 5 июня 2017 г. № 305-ЭС17-3665, от 2 мая 2017 г. № 304-ЭС17-3813, от 28 апреля 2015 г. № 305-ЭС15-3087 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁷ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 28 апреля 2015 г. № 305-ЭС15-3087 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁸ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 29 августа 2018 г. № 305-ЭС18-9309 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁹ Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 16 января 2020 г. по делу № А65-16412/2018, Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 22 ноября 2016 г. по делу № А60-53157/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

Некрасов Сергей Юрьевич,

профессор кафедры гражданского, административного судопроизводства и организации судебной деятельности Восточно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук
vip.nekrasov1963@mail.ru

Бердникова**Валерия Владимировна,**

магистрант Восточно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия
valeriya.berdnikova.97@mail.ru

DOI: 10.18572/1812-383X-2020-5-52-56

Современные проблемы арбитрабельности споров и пути их решения

В научной статье рассмотрены современные проблемы арбитрабельности споров, т.е. возможности урегулирования правовых конфликтов в рамках третейского разбирательства. Авторами отмечено, что данный способ урегулирования споров в большей мере характерен для предпринимательских отношений. В статье подчеркнуто, что федеральный законодатель не сформулировал легальное определение термина «арбитрабельность спора». Указано, что критерии выделения конфликтов, которые могут быть предметом рассмотрения третейских судов, выявлены высшими судами Российской Федерации.

Ключевые слова: арбитраж, арбитрабельность, третейское разбирательство, третейское соглашение, разрешение споров, третейский суд, компетенция.

Допустимость рассмотрения и разрешения гражданско-правовых споров в рамках третейского разбирательства обеспечивается гражданским законодательством. В соответствии со ст. 11 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ)¹ защиту нарушенных или оспоренных гражданских прав осуществляет суд, арбитражный суд или третейский суд в соответствии с их компетенцией. Следует отметить, что именно с развитием в России правового регулирования формирования и функционирования третейских судов (арбитражей) как негосударственного сектора в урегулировании возникающих юридических споров на разрешение была поставлена существовавшая ранее проблема о разграничении компетенции между государственными судами и негосударственными (третейскими).

В правовой оборот как альтернатива терминам «компетенция» и «подсудность» введено понятие «арбитрабельность споров»². Сущность указанного понятия заключается в том, что термин «арбитрабельность споров» подчеркивает возможность рассмотрения

спора не только в рамках арбитражного и гражданского судопроизводства, но и в условиях третейского разбирательства.

В то же время выбор сторонами для разрешения правового конфликта альтернативных способов урегулирования споров не может производиться произвольно без учета государственных требований³. Так, при подписании соглашения о рассмотрении спора в Международном коммерческом арбитражном суде или включении арбитражной оговорки в качестве пункта в текст гражданско-правового договора, стороны должны учитывать: во-первых, уровень арбитрабельности спора; во-вторых, правовой статус третейского суда (арбитража); в-третьих, наличие добровольного желания сторон применить именно такую технологию разрешения правового конфликта.

Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации (далее — ГПК РФ)⁴

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 16.12.2019) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; СЗ РФ. 2019. № 51 (часть I). Ст. 7482.

² Аркин П.А., Иванов М.Б., Бородин Е.П. Методические подходы совершенствования институциональных механизмов государственной экономической политики в части развития системы третейских судов при разрешении экономических споров // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2019. № 2 (116). С. 39.

³ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 4 июня 2007 г. № 377-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Алтухова Александра Павловича, Алтуховой Галины Федоровны и других на нарушение их конституционных прав частью 1 статьи 4, статьей 42 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации и абзацем шестым пункта 1 статьи 17 Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним»». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=69568&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.975772677625631#09896479296601831> (дата обращения: 10.02.2020).

⁴ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ

и Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации (далее — АПК РФ)⁵ не содержат официального толкования рассматриваемого понятия. Чужд данный термин и для иных российских правовых актов, в том числе и для Федерального закона от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» (далее — Федеральный закон № 382-ФЗ)⁶. Российский законодатель предпочитает оперировать термином «компетенция третейских судов».

Термин «арбитрабельность» имеет англоязычные корни и на современном этапе отечественной юриспруденции раскрывает свойство юридического спора быть рассмотренным в рамках третейского разбирательства. Исследования показали, что в юридической науке отсутствует единое мнение о толковании данного термина. В отечественной и зарубежной доктрине выделяют различные подходы к определению арбитрабельности споров. Свои научные труды данной теме посвящали такие ученые, как С.Н. Алехин, А.В. Асосков, А.В. Грищенко⁷, П.А. Аркин, Е.П. Бородин, М.Б. Иванов⁸, С.Д. Иванов, Е.С. Косарев⁹ и др. В целом представители российской юриспруденции при формировании компетенции третейских судов исходят из понятия арбитрабельности споров, зарубежные ученые — из перечисления или установления критериев неарбитрабельных споров.

Следует отметить, что споры, попадающие под признак арбитрабельности, могут выступать предметом не только третейского разбирательства, но и судопроизводства,

(ред. от 02.12.2019) // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532; СЗ РФ. 2019 (часть V). № 49. Ст. 6965.

⁵ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 02.12.2019) // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012; СЗ РФ. 2019 (часть V). № 49. Ст. 6965.

⁶ Федеральный закон от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ (ред. от 27.12.2018) «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 1 (часть I). Ст. 2; СЗ РФ. 2018. № 53 (часть I). Ст. 8457.

⁷ Новые горизонты международного арбитража: сб. статей выступающих на конференции «Российский арбитражный день — 2018» / под ред. А.В. Асоскова, А.И. Муранова, Р.М. Ходыкина. Вып. 4. М.: Ассоциация исследователей международного частного и сравнительного права, 2018. 349 с.

⁸ Аркин П.А., Иванов М.Б., Бородин Е.П. Указ. соч.

⁹ Косарев Е.С., Иванов С.Д. ВС РФ взял курс на арбитрабельность // Третейский суд. 2018. № 3/4. С. 124–132.

осуществляемого государственными судами в рамках гражданского и арбитражного судопроизводства. Например в Российской Федерации, в отличие от опыта зарубежных государств в исследуемой области, арбитрабельными являются только юридические конфликты частноправового характера. При этом не все споры из указанного вида могут быть на основании соглашения сторон переданы в третейское разбирательство. Даже если стороны гражданско-правового договора достигли договоренности о применении для разрешения юридического спора альтернативных способов его урегулирования, указанное соглашение государственным судом может быть признано противоречащим законодательству Российской Федерации. Это, прежде всего, касается заключения и исполнения гражданско-правовых договоров,отягощенных публичным интересом (элементом). Президиум ранее действовавшего Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации пришел к выводу, что контракты, заключаемые для обеспечения государственных и муниципальных нужд, «имеют публичную основу, преследуют публичный интерес и направлены на достижение результата, необходимого в публичных целях для удовлетворения публичных нужд, достигаемого за счет траты бюджетных средств. Таким образом, наличие в едином правоотношении такой концентрации общественно-значимых публичных элементов не позволяет признать возникающие из них споры спорами исключительно частного характера между частными лицами, которые могут рассматриваться в частном порядке — третейскими судами»¹⁰.

В настоящее время предметом активной дискуссии в отечественной юридической науке является полемика о возможности признания правовых конфликтов с публичным окрасом предметом третейского разбирательства. В аргументации данной идеи приводится положительная зарубежная практика по исследуемой теме. Ярким примером является опыт деятельности третейских судов в США, где к предмету их рассмотрения и разрешения относят дела о банкротстве, споры, вытекающие из антимонопольного законодательства, законодательства о ценных бумагах, патентах, законодательства о рэжете и коррупции, дискриминации на работе.

¹⁰ Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 28 января 2014 г. № 11535/13 // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2014. № 6.

Экономически развитые страны признали нормальной и эффективной практику рассмотрения третейскими судами споров с участием публичного субъекта.

Необходимо констатировать, что арбитрабельность споров публично-правового характера не является общепринятой практикой в современном мире. К примеру, в Японии предметом коммерческого арбитража могут быть только вопросы частного характера, в Швейцарии — любой спор имущественного характера¹¹.

В то же время подход Верховного Суда Российской Федерации об отрицании арбитрабельности споров частноправового характера с публичным элементом подвергался в течение нескольких лет критике в аналитической литературе и признавался противоречащим базовым принципам гражданского права как отрасли права: диспозитивности и свободе договора.

По данной проблеме в отечественной доктрине и судебной практике сложились две диаметрально противоположные позиции: представители первой настаивают на арбитрабельности указанных споров, приверженцы второй, напротив, категорически отрицают возможность их разрешения в рамках третейского разбирательства.

В 2018 г. Верховный Суд Российской Федерации пересмотрел свой взгляд на сложившуюся проблему и принял решение в пользу арбитрабельности споров, вытекающих из договоров, заключенных в соответствии с Федеральным законом от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» (далее — Федеральный закон № 223-ФЗ)¹². Таким образом, начиная с 2018 г. данные споры признаны арбитрабельными в силу их гражданско-правового характера и отсутствия законодательного запрета на разрешение их в рамках третейского разбирательства¹³. Из смысла практически всех судебных

актов следует, что споры, возникающие из отношений, регулируемых законодательством о закупках товаров отдельными видами юридических лиц, в данном перечне не указаны, а каких-либо иных правовых актов, содержащих нормы об отсутствии или ограничении компетенции третейских судов на рассмотрение таких споров, не имеется¹⁴.

Изложенная правовая позиция сформулирована Верховным Судом Российской Федерации в Определении Судебной коллегии по экономическим спорам от 11 июля 2018 г. № 305-ЭС17-7240¹⁵.

В Российской Федерации не обладают признаком арбитрабельности споры, вытекающие из публично-правовых отношений. Например, сложилась единообразная практика арбитражных судов о неарбитрабельности споров по взысканию текущих платежей в рамках банкротства. По мнению судов, в интересах защиты прав кредиторов указанная категория дел должна относиться к исключительной компетенции государственных судов¹⁶. Необходимо учитывать,

&mode=splus&base=AVV&n=82872&md=126ABC3496F85545DAA53A395A36CC10#1gtnkpgdpob (дата обращения: 12.02.2020); Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 5 февраля 2018 г. № Ф01-6385/2017 по делу № А82-8633/2017. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=12737783002876046412006028&cacheid=E5412EED8C2BC140971EB5DDDB7589AEF&mode=splus&base=AVV&n=83420&rnd=126ABC3496F85545DAA53A395A36CC10#2fjcp4x9rle> (дата обращения: 13.02.2020).

¹⁴ Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 1 апреля 2019 г. № Ф02-717/2019 по делу № А33-28639/2018. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=159154505905102623336997673&cacheid=F3C4F771A0D6F96E4BB5A90479EA7031&mode=splus&base=AVS&n=103458&rnd=126ABC3496F85545DAA53A395A36CC10#6y5svtrtdg> (дата обращения: 13.02.2020).

¹⁵ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 11 июля 2018 г. № 305-ЭС17-7240 по делу № А40-165680/2016. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=1083358719016637035922419263&cacheid=57C93D2E32DEEC1B749C7E3F6A0DE810&mode=splus&base=ARB&n=545170&rnd=126ABC3496F85545DAA53A395A36CC10#1byg2ftodro> (дата обращения: 11.02.2020).

¹⁶ Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 21 февраля 2018 г. № Ф01-137/2018 по делу № А82-10395/2017. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=95644459509692024283760411&cacheid=8B6452C1A1727946DBBA0090516690C3&mode=splus&base=AVV&n=82680&rnd=126ABC349>

¹¹ Карпышев М.А. Допустимость международного арбитражного разбирательства (арбитрабельность коммерческих споров) в России и Японии // Теория и практика общественного развития. 2017. № 4. С. 116.

¹² Федеральный закон от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» // СЗ РФ. 2011. № 30 (ч. 1). Ст. 4571.

¹³ Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 24 января 2018 г. № Ф01-6182/2017 по делу № А82-16520/2017. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=41205695509818021165380734&cacheid=EA097D3D596C7753598B9BAF927D06E5>

что споры, имеющие частноправовой характер, но отягощенные публичным элементом, могут быть признаны неарбитрабельными при наличии прямого запрета в правовых актах Российской Федерации¹⁷. Следует обратить внимание, что, несмотря на признание в законодательстве об арбитраже споров о недвижимости арбитрабельными, правовые положения Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» (далее — Федеральный закон № 218-ФЗ)¹⁸ не позволяют считать решение третейского суда равнозначным (по правовым последствиям) решению государственного суда. Для регистрации прав на недвижимое имущество, установленных решением третейского суда, необходима его «легализация в государственном суде» путем получения определения государственного суда об исполнении решения третейского суда. К такому выводу пришел и Верховный Суд Российской Федерации в своем Постановлении от 10 декабря 2019 г. № 53 «О выполнении судами Российской Федерации функций содействия и контроля в отношении третейского разбирательства, международного коммерческого арбитража»¹⁹.

Таким образом, в настоящее время все еще остается актуальным вопрос о категории споров, которые могут быть переданы на рассмотрение в арбитраж (третейское разбирательство).

Процессуальные кодексы Российской Федерации (ч. 2 ст. 33 АПК РФ и ч. 2 ст. 22.1 ГПК РФ) содержат перечни категорий дел, которые не могут быть переданы на рассмотрение в третейский суд. Данные переч-

ни являются открытыми, так как содержат в себе формулировку «иные споры в случаях, прямо предусмотренных федеральным законом».

В условиях отсутствия систематизированного, исчерпывающего перечня неарбитрабельных категорий дел, закрепленного в АПК РФ и ГПК РФ, единственным выходом является четкое определение универсальных критериев (принципов), на основании которых можно установить арбитрабельность каждого конкретного спора.

В Российской Федерации такие критерии формируются в большей мере в рамках судебной практики, нежели на уровне правовых актов. Федеральный законодатель ограничился лишь только абстрактными фразами юридического характера. Так, именно Конституционным Судом Российской Федерации, ранее действовавшим Высшим Арбитражным Судом Российской Федерации, Верховным Судом Российской Федерации вырабатываются критерии арбитрабельности, используемые в отечественной практике правоприменения.

Рассматривая правомерность передачи спора на разрешение в третейский суд (арбитраж), практически все суды в своих актах за последние три года указывают, что российским законодателем и правоприменителем в период с 2014 по 2016 г. были сформированы следующие критерии арбитрабельности споров:

1) общий критерий — гражданско-правовой характер отношений (ч. 3 ст. 1 Федерального закона № 382-ФЗ, ч. 6 ст. 4, ч. 1 ст. 33 АПК РФ);

2) критерий неарбитрабельности споров — перечень споров, которые не могут быть переданы на рассмотрение третейского суда (п. 1–5, 7 и 8 ч. 2 ст. 33 АПК РФ);

3) критерий условной компетенции третейских судов на рассмотрение споров — споры, возникающие из отношений, регулируемых законодательством Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд (п. 6 ч. 2 ст. 33 АПК РФ).

Российский законодатель комбинирует различные способы закрепления правового статуса третейских судов (арбитражей), в том числе применив в отечественном праве принципы арбитрабельности и неарбитрабельности споров. Так, корпоративные споры подразделяют на арбитрабельные и неарбитрабельные. При этом последняя категория представляет собой закрытый

6F85545DAA53A395A36CC10#1kt33k3ns91 (дата обращения: 12.02.2020).

¹⁷ Обзор практики рассмотрения судами дел, связанных с выполнением функций содействия и контроля в отношении третейских судов и международных коммерческих арбитражей (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 26.12.2018) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2019. № 9.

¹⁸ Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ (ред. от 02.08.2019) «О государственной регистрации недвижимости» // СЗ РФ. 2015. № 29 (часть I). Ст. 4344.

¹⁹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 декабря 2019 г. № 53 «О выполнении судами Российской Федерации функций содействия и контроля в отношении третейского разбирательства международного коммерческого арбитража». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_340189/ (дата обращения: 23.02.2020).

перечень и включает «споры о созыве общего собрания участников юридического лица, споры в отношении хозяйственных обществ, имеющих существенное значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства на момент начала арбитражного разбирательства, а также некоторые иные споры»²⁰.

Представители зарубежной доктрины указывают на обязательность исследования и использования опыта правового регулирования рассматриваемых отношений нормами немецкого права, признавая их совершенными и отвечающими реальной потребности. Думается, что в Российской Федерации следует подвергнуть пересмотру «объективную арбитрабельность». Необходимо выработать четкие критерии признания возможности передачи спора для разрешения на уровне третейского разбирательства.

По мнению П.А. Аркина, М.Б. Иванова, Е.П. Бородина, именно низкий уровень правового регулирования арбитрабельности споров оказывает негативное воздействие на развитие бизнеса в России, его инвестиционную привлекательность²¹.

По оценкам экспертов, «до трети споров, разрешаемых арбитражными судами, уже сегодня могли бы рассматриваться третейскими судами»²².

Следовательно, одной из первоочередных задач, стоящих перед государством наряду с осуществлением просветительской работы в данном направлении, является

совершенствование с учетом имеющегося опыта законодательной базы арбитрабельности споров.

В отечественной доктрине отмечается, что Российская Федерация выбрала путь расширения перечня арбитрабельных споров.

На основании проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

В отечественной юриспруденции термин «арбитрабельность», в отличие от компетенции и подсудности, определяет категории дел, которые могут быть предметом разбирательства не только государственных, но и третейских судов (арбитражей).

Одной из современных проблем, требующих своего разрешения, в том числе и на законодательном уровне, является определение таких споров.

Можно выделить как минимум три варианта решения указанной проблемы: первый — составить и закрепить в правовых актах исключительный перечень дел, подлежащих рассмотрению на уровне третейского разбирательства (арбитрабельные споры); второй — наоборот, установить перечень споров, не подлежащих передаче на рассмотрение в арбитраж (неарбитрабельные споры).

Думается, что оба указанных варианта имеют один общий недостаток — это отсутствие гибкости при определении арбитрабельности споров и отставание российских правовых актов от потребностей реальности. Поэтому в рамках третьего варианта следует предложить сформулировать на уровне правовых актов Российской Федерации четкие критерии арбитрабельности с учетом имеющегося зарубежного и отечественного опыта. Например, все споры, возникающие из частноправовых отношений, должны быть признаны арбитрабельными. Исключения из данного правила возможны только путем установления прямого запрета (неарбитрабельных споров) в правовых актах Российской Федерации.

²⁰ Арбитрабельность корпоративных споров в Российской Федерации: изменения в законодательстве. URL: <https://journal.arbitration.ru/ru/analytics/arbitrabelnost-korporativnykh-sporov-v-rg-izmeneniya-v-zakonodatelstve/> (дата обращения: 09.02.2020).

²¹ Аркин П.А., Иванов М.Б., Бородина Е.П. Указ. соч. С. 39.

²² Там же. С. 40.

Литература

1. Аркин П.А. Методические подходы совершенствования институциональных механизмов государственной экономической политики в части развития системы третейских судов при разрешении экономических споров / П.А. Аркин, М.Б. Иванов, Е.П. Бородина // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2019. № 2 (116). С. 39–46.
2. Карпышев М.А. Допустимость международного арбитражного разбирательства (арбитрабельность коммерческих споров) в России и Японии / М.А. Карпышев // Теория и практика общественного развития. 2017. № 4. С. 115–118.
3. Косарев Е.С. ВС РФ взял курс на арбитрабельность / Е.С. Косарев, С.Д. Иванов // Третейский суд. 2018. № 3/4. С. 124–132.
4. Новые горизонты международного арбитража : сборник статей выступающих на конференции «Российский арбитражный день — 2018» / под редакцией А.В. Асоскова, А.И. Муранова, Р.М. Ходыкина. Вып. 4. Москва : Ассоциация исследователей международного частного и сравнительного права, 2018. 349 с.

Тресков Алексей Павлович,

доцент кафедры теории
государства и права
Ростовского государственного
университета
путей сообщения (РГУПС),
кандидат юридических наук,
федеральный судья в отставке
altreskov@yandex.ru

DOI: 10.18572/1812-383X-2020-5-57-60

Принципы судебной власти в России: в продолжение конституционного проектирования

В статье продолжается исследование конституционных принципов судебной власти, элементы которых можно найти в исторических проектах конституций Российской Империи 1762–1881 годов. Среди них: проект Государственной Уставной Грамоты Российской Империи, работу над текстом которой приписывают русскому государственному деятелю Н.Н. Новосильцеву, а также князю П.А. Вяземскому; проект руководителя Южного общества декабристов П.И. Пестеля, получивший название «Русская Правда». Указанные конституционные проекты не получили официального признания и легитимации, чем вызван интерес к изучению конституционной мысли имперского периода развития России. На основе анализа данных исторических актов выделяются принципы судопроизводства: принцип осуществления правосудия только судом, принцип равенства перед законом и судом, принцип презумпции невиновности, принцип законности, принцип рассмотрения дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом, принцип независимости судей и судебной власти. А также принципы судоустройства: принцип назначения судей, принцип выборности судей, принцип разделения судов на инстанции.

Ключевые слова: принципы, судебная власть, суд, независимость, взаимодействие, открытость, Конституционный суд, конституционализм.

Ретроспективный метод исследования российской государственности позволяет отметить постоянный поиск вариантов конституционных проектов, приемлемых на определенном этапе исторического развития. В процессе подготовки любого типа нормативно-правового акта, ограничивающего верховную власть, особый смысл приобретает закрепление в нем конституционных принципов судебной власти.

В данной статье мы продолжаем рассматривать конституционные принципы судебной власти, элементы которых можно отыскать в готовящихся и обсуждаемых в период 1762–1881 годов конституционных проектах, не получивших, однако, легитимации.

В рамках предыдущей работы¹ исследовательское внимание было посвящено самым ранним конституционным проектам в истории России: подготовленному графом Н.И. Паниным в 1762 г. тексту, именуемому конституцией Н.И. Панина — Д.И. Фонвизина; проекту «Всемиловнейшей жалованной грамоты, русскому народу жалуемой» 1801 г., авторами которого были граф А.Р. Воронцов

и А.Н. Радищев, именуемому также «Грамота российскому народу»; плану государственного преобразования М.М. Сперанского, оформленному в виде «Введения к уложению государственных законов» 1809 г.

Итак, следующим конституционным проектом, представляющим интерес в контексте закрепления конституционных принципов судебной власти, является Государственная Уставная Грамота Российской Империи (далее — Грамота), работу над текстом которой приписывают русскому государственному деятелю Н.Н. Новосильцеву, а также князю П.А. Вяземскому в период с 1818 по 1821 г. Грамота издавалась на русском, польском и французском языках. В ее основе, так же, как и в проекте М.М. Сперанского, лежал принцип разделения властей, однако в отличие от последнего, в Грамоте прямо это не декларируется, но следует из ряда ее положений.

Несмотря на то, что суду как таковому в Грамоте посвящена отдельная гл. V, первые искомые конституционные принципы судебной власти встречаются гораздо раньше — уже в ст. 81 гл. III «Ручательства державной власти» мы можем отметить закрепление принципа осуществления правосудия только судом: «Коренной российский закон: “Без суда никто да не накажется” и освященное Учреждением о губерниях правило (пар. 401):

¹ Тресков А.П. Принципы судебной власти в России: у истоков конституционного проектирования // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2019. № 5 (108). С. 39–43.

«Чтобы никто, без объявления ему вины и снятия с него допроса в течение трех дней по задержании, не лишился свободы и не содержался в тюрьме» распространяется на всех жителей вообще в следующей силе...»².

В этой же главе авторы Грамоты говорят и о современном конституционном принципе рассмотрения дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом: «Никто не должен быть наказан, как в силу закона, постановленного и обнародованного до³ соделанного преступления, и по приговору того суда, которому он принадлежит»⁴.

Интересной особенностью рассматриваемого конституционного проекта является наличие возможности сенаторами исполнения обязанностей судей, что закрепляется в ст. 147 отделения II «О Сенате»: «Сенаторы, избранные государем, исправляют, сверх сего, по очереди должность судей в верховных судах»⁵. Безусловно, данное положение вступает в противоречие с декларированным самой же Грамотой принципом разделения властей и провозглашенным принципом независимости судебной власти, декларируемой далее в гл. V «О судебной власти»: «Суды и лица, носящие звания судей, в отправление обязанности, на них возложенной, действуют по законам и независимо ни от какой власти»⁶.

Ключевая глава V «О судебной власти» является предпоследней в Грамоте и структурно разделена на три отделения: «О судах вообще», «О верховных судах», «Об апелляционных и низших судах», при этом второе отделение, в свою очередь, подразделяется еще на два разряда: «О верховном государственном суде» и «О верховном суде наместнической области».

К принципам судостроительства в рамках рассматриваемого конституционного проекта можно отнести:

² Государственная Уставная Грамота Российской Империи // Publié d'après l'original des archives de St. Pétersbourg. Préface de M. Theodor Schiemann. Professeur a l'Université de Berlin. Берлин : издание Фридрих Готтгейнера, 1903. С. 55.

³ Здесь же прослеживаются и необходимость обязательного опубликования закона, и современное закрепление принципа действия закона во времени, в соответствии с которым никто не может нести ответственность за деяние, которое в момент его совершения не признавалось правонарушением, или преступность и наказуемость деяния определяются уголовным законом, действовавшим во время совершения этого деяния (ст. 54 Конституции РФ и ст. 9 Уголовного кодекса РФ).

⁴ Государственная Уставная Грамота Российской Империи Указ. соч. С. 59.

⁵ Там же. С. 91.

⁶ Там же. С. 105.

1. Принцип назначения судей. О формировании кадров судебных органов в форме назначения говорят несколько статей Грамоты. В силу ст. 19 «Государь на все места гражданские, управительные и судебные назначает непосредственно или через тех, коим вверит такую власть»⁷; в соответствии со ст. 180 «Учреждается верховный государственный суд, составленный из председателя, сенаторов и других особ, заседающих в оном по назначению Государя Императора»⁸; ст. 185 устанавливается, что «...верховный суд наместнической области... составляется из известного числа сенаторов, назначенных Государем для заседания в оном, по очереди, и из непременных судей, поступающих в оный из председателей апелляционных судов»⁹. О допустимости сенаторам совмещать свою должность с обязанностями судей мы упоминали выше (ст. 147 Грамоты).

2. Принцип выборности судей. Данный принцип, находящийся в противоречии с вышеназванным порядком назначения судей, также усматривается из текста изучаемого конституционного проекта — ст. 177 Грамоты устанавливается, что «суды составляются из судей, определенных Государем, согласно с предписанными правилами о испытании, и из судей, выбранных согласно с существующими по сему предмету особенными постановлениями»¹⁰.

3. Принцип разделения судов на инстанции: суды первой инстанции (низшие), апелляционные, верховные наместнические, верховные государственные. Также закрепляется деление судов на типы: коммерческие, советные, мировые суды. Статья 188 Грамоты конкретизирует: «...суды первой инстанции по делам уголовным и гражданским (уездные суды и городские магистраты); коммерческие, советные и мировые суды, равно как и другие суды, в коих окажется надобность, будут устроены особенными постановлениями сообразно с сею Государственною Уставною Грамотою»¹¹. Указанный перечень судов не являлся исчерпывающим и предполагал возможность создания и других.

В целом судебная глава Грамоты содержит установления относительно ответственности судей (ст. 176, 178), подсудности дел (ст. 182, 186), состава суда (ст. 180, 185), при этом каких-либо еще принципов судебной власти или судостроительства документ не выделяет.

⁷ Там же. С. 19.

⁸ Там же. С. 107.

⁹ Государственная Уставная Грамота Российской Империи. Указ. соч. С. 109.

¹⁰ Там же. С. 107.

¹¹ Там же. С. 111.

Таким образом, данным конституционным проектом были охвачены принципы судопроизводства, среди которых получили свое закрепление: принцип осуществления правосудия только судом, принцип рассмотрения дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом, принцип независимости судей и судебной власти. А также принципы судостроительства: принцип назначения судей, принцип выборности судей, принцип разделения судов на инстанции.

В целом данный конституционный проект можно охарактеризовать как весьма противоречивый и недоработанный, по крайней мере, с точки зрения судебной ветви власти, особенно в сопоставлении его с более ранним проектом — планом государственного преобразования М.М. Сперанского, оформленным в виде «Введения к уложению государственных законов».

В продолжение идеи русской конституционной мысли следует назвать проект руководителя Южного общества декабристов П.И. Пестеля, получивший название «Русская Правда», или «Заповедная Государственная Грамота Великого Народа Российского, служащая Заветом для Усовершенствования Государственного Устройства России и Содержащая Верный Наказ как для Народа, так и для Временного Верховного Правления».

Как известно, П.И. Пестель подготовил лишь пять глав из планируемых десяти. Как указывает русский историк В.И. Семеновский, три первых автор считал обработанными, а две написанных вчерне¹² (начерно — прим. авт.).

Первое упоминание о правосудии вообще в «Русской Правде» встречается в пар. 2 «Разделение племен, Россию населяющих, на три главные разряда» гл. 2 «О племенах, Россию населяющих» при закреплении единства и равенства законов: «...государственные и гражданские законы могут быть в целом пространстве государства одни и те же потому... что правосудие двусмыслия и двоякого толкования не допускает и будучи основано на понятии о наших обязанностях в отношении к ближним одинаково везде быть должно, тем более что сии обязанности верою определены для всех людей одинаковыми»¹³. Данным положением, по сути, закрепляется принцип

равенства перед законом и судом. То же провозглашается и далее пар. 4: «Все должны быть перед законом равны ... всякое Постановление, нарушающее сие равенство всех перед законом, есть нестерпимое злое, должно быть уничтоженным»¹⁴.

В развитие вышеназванного принципа равенства «Русская Правда» ставит под сомнение сложившиеся исторически постулаты, присущие дворянству. Кроме типичных присущих им прав в виде обладания другими людьми, освобождения от уплаты подати (налога) и др., в рассматриваемом конституционном проекте ставится вопрос, а должны ли вообще такие преимущества, в частности принцип, что «дворянство не подлежит телесным по суду наказаниям подобно прочим россиянам, ниже за самые ужаснейшие преступления»¹⁵, иметь место в благоустроенном государстве? В Документе¹⁶ содержится и ответ на этот вопрос: «Род наказания должен соответствовать роду преступления, а не сословию преступника, ибо преступление есть произведение злых качеств человека, а не причисление его к тому или другому сословию ... цель наказания не есть страдание преступника, но есть исправление его а еще более удержание других посредством примера от подобных деяний ... за одинаковыя преступления налагаемы были одинаковыя наказания ... должно дворянство наравне со всеми прочими россиянами за одинаковыя преступления одинаковым подлежать наказаниям, и ежели и телесныя наказания будут признаны необходимыми, то должны оным быть подвергнуты дворяне так точно, как и все прочие люди...»¹⁷.

В главе 5 «О народе в гражданском отношении» впервые упоминается классический конституционный принцип осуществления правосудия только судом, а также принцип рассмотрения дела в том суде и тем судьей,

¹⁴ Там же. С. 233.

¹⁵ Шеголев П.Е. Декабристы: сборник отрывков из источников / Центрархив; составил Ю.Г. Оксман при участии Н.Ф. Лаврова и Б.Л. Модзалевского. Москва; Ленинград: Государственное издательство, 1926. С. 152.

¹⁶ При сравнении двух источников, содержащих текст «Русской Правды», автором обнаружено, что в книге «Декабристы: сборник отрывков из источников», отсутствует гл. 2 «О племенах, Россию населяющих», в то время как в книге «Русская социально-политическая мысль. Первая половина XIX века» содержится более полный текст, включая гл. 2. Также в первом источнике отсутствует и ряд других параграфов, что означает, что Документ приведен в сокращенном варианте. Для объективности и полноты автором использованы оба источника.

¹⁷ Декабристы: сборник отрывков из источников. С. 154.

¹² Семеновский В.И. Политические и общественные идеи декабристов. СПб.: Тип. Первой СПб. Трудовой Артели, 1909. С. 511.

¹³ Русская социально-политическая мысль. Первая половина XIX века: хрестоматия / сост.: А.А. Ширинянц, И.Ю. Демин; под ред. А.А. Ширинянца. М.: Издательство Московского университета, 2011. С. 215.

к подсудности которых оно отнесено законом: «Никто не может быть судим иным порядком, как обыкновенным законным судебным и в том именно месте, которое законом определено и назначено»¹⁸. Здесь же и запрет на создание чрезвычайных судов: «...посему никогда не должны никакия чрезвычайныя Судебныя Комиссии или чрезвычайныя Суды быть учреждаемы ниже в каком бы то ни было случае, Законный Судебный Порядок быть для каких бы то ни было причин нарушаем»¹⁹.

Следующим установлением декларируется принцип законности: «Никто не может быть судим иначе как по точным словам закона без всякаго толкования слов закона»²⁰, а далее мы видим и принцип действия закона во времени, а также элементы презумпции невиновности: «И притом по законам, существовавшим прежде преступления, в коем он обвиняется, и не иначе быть обвинен, как когда его преступление совершено и доказано»²¹.

Есть в рассматриваемом конституционном проекте и оговорка о военных судах, на что указывают и другие авторы²², несмотря на то, что в отдельный тип юрисдикции он и не выделяется: «...За воинские преступления подлежат они военному суду и от военного начальства зависяют»²³.

Сам П.И. Пестель в своих показаниях следственному комитету с 13 января по май 1826 г. говорил, что его предположение о государственном образовании должно состоять из десяти глав, в частности он упоминал,

что «глава четвертая рассуждала о политическом и общественном состоянии народа, о правах гражданства, о равенстве всех перед законом...»²⁴, «глава восьмая долженствовала рассуждать о частях правления, устанавливающих государственную безопасность, как внешнюю, так и внутреннюю, то есть об юстиции, полиции, внешних сношениях, военных силах...»²⁵.

Другие же главы (все пять доступных для изучения) и вовсе регулировали совершенно иные правоотношения. Таким образом, мы видим, что П.И. Пестель не планировал прямо прописывать принципы судостроительства, а принципы судопроизводства декларированы весьма ограниченно.

В итоге в рассматриваемом конституционном проекте можем засвидетельствовать такие принципы судопроизводства, как: принцип равенства перед законом и судом, принцип осуществления правосудия только судом, принцип рассмотрения дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом, принцип законности, принцип действия закона во времени, принцип презумпции невиновности. О закреплении принципов судостроительства все же говорить не приходится.

С развитием отечественного конституционализма связано постепенное формирование новых принципов судебной власти. С каждым поколением в конституционных проектах такого типа усматривается все большее внимание к судостроительству — начиная с декларирования отдельных судебных принципов, заканчивая посвящением в основном законе государства целых разделов и глав о судебной власти.

¹⁸ Русская социально-политическая мысль. Первая половина XIX века : хрестоматия. С. 289.

¹⁹ Там же. С. 289.

²⁰ Там же. С. 289.

²¹ Там же. С. 289.

²² См.: Семеновский В.И. Указ. соч. С. 539.

²³ Русская социально-политическая мысль. Первая половина XIX века : хрестоматия. С. 289.

²⁴ Павлов-Сильванский Н.П. Декабрист Пестель перед Верховным Уголовным Судом. Ростов-на-Дону, 1907. С. 32.

²⁵ Там же. С. 33.

Литература

1. Государственная Уставная Грамота Российской Империи // Publiée d'après l'original des archives de St. Pétersbourg. Préface de M. Theodor Schiemann. Professeur a l'Université de Berlin. Берлин : Ф. Готтгейнера, 1903. 128 с.
2. Павлов-Сильванский Н.П. Декабрист Пестель перед Верховным Уголовным Судом / Н.П. Павлов-Сильванский. Ростов-на-Дону : А. Сура, 1907. 174 с.
3. Русская социально-политическая мысль. Первая половина XIX века : хрестоматия : учебное пособие для студентов МГУ / составители: А.А. Ширинянц, И.Ю. Демин ; под редакцией А.А. Ширинянца. Москва : Изд-во Московского ун-та, 2011. 878 с.
4. Семеновский В.И. Политические и общественные идеи декабристов / В.И. Семеновский. Санкт-Петербург : тип. 1-й Санкт-Петербургской трудовой артели, 1909. 694 с.
5. Тресков А.П. Принципы судебной власти в России: у истоков конституционного проектирования / А.П. Тресков // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2019. № 5 (108). С. 39–43.
6. Щеголев П.Е. Декабристы : сборник отрывков из источников / П.Е. Щеголев ; составил Ю.Г. Оксман при участии Н.Ф. Лаврова и Б.Л. Модзалевского. Москва ; Ленинград : Государственное изд-во, 1926. 362 с.

Arbitrazh-civil procedure

SCIENCEPRACTICE AND INFORMATION EDITION. Registered in Federal service on supervision in sphere of media communications and protection of cultural heritage
PI No. FC77-29216 of August 23, 2007. Published since 1998. Published monthly

№ 5/2020

EDITOR IN CHIEF:

Jarkov V.V., LL.D., professor,
Honored Scientist of the Russian Federation

DEPUTY EDITOR IN CHIEF, REGIONAL EDITOR:

Dolganichev V.V., PhD (Law), associate professor

EDITORIAL BOARD:

Arifulin A.A., professor, Honored Lawyer of the RF;
Vitryanskij V.V., LL.D., professor, Honored Lawyer of the RF;
Jilin G.A., LL.D., professor, Honored Lawyer of the RF;
Isajchev V.I., Honored Lawyer of the RF;
Nosyreva E.I., LL.D., professor;
Osokina G.L., LL.D., professor;
Renov Eh.N., PhD (Law), professor;
Sakhnova T.V., LL.D., professor;
Treushnikov M.K., LL.D., professor;
Tumanova L.V., LL.D., professor;
Scherstjuk V.M., LL.D., professor;
Yukov M.K., LL.D., professor

EDITOR IN CHIEF OF JURIST PUBLISHING GROUP:

Grib V.V., LL.D., professor, corresponding member
of the RAE, Honored Lawyer of the RF

DEPUTY EDITOR IN CHIEF OF JURIST PUBLISHING GROUP:

Babkin A.I., Belykh V.S., Renov Eh.N.,
Platonova O.F., Truncevskij Yu.V.

EDITORIAL OFFICE:

Lapteva E.A., Solovyova D.V.

SCIENTIFIC EDITING AND PROOFREADING:

Shvechkova O.A., PhD (Law)

Founder: Jurist Publishing Group

EDITORIAL SUBSCRIPTION CENTRE:

Tel. / fax: (495) 617-18-88 (multichannel)

E-mail: podpiska@lawinfo.ru

Tel.: (495) 953-91-08

ADDRESS PUBLISHERS / EDITORS:

Bldg. 7, 26 / 55, Kosmodamianskaya Emb.

Moscow, 115035.

E-mail for authors: avtor@lawinfo.ru

SUBSCRIPTION:

United catalogue. Russian press — 85473;

Russian post. Digital catalogue — П1715.

Subscription at www.lawinfo.ru

Passed for printing: 12.05.2020.

Issue was published: 20.05.2020.

ISSN 1812-383X

Printed at typography National Polygraphic Group Ltd.

Bldg. 2, street Svetlaya, Kaluga, 248031.

Tel.: (4842) 70-03-37

Size 170x252. Offset printing.

Printer's sheet 5,0. Conventional printed sheet 5,0.

General circulation 4000 copies. Free market price.

RELEVANT ISSUES OF SCIENCE AND PRACTICE

3 **Selkova A.A.** On the Place and Role of the Amicus
Curiae Institution in Russian Proceedings

7 **Kurochkin S.A.** The Implementation of Legality
as the Most Important Condition of the Efficiency
and Justice of Civil Proceedings

12 **Alekseev A.A.** The Meaning of the Will
of the Parties in the Determination of a Court
of Competent Jurisdiction in a Civil Procedure

16 **Sidorkin S.V.** A Motion for the Recusal of a Judge
in an Arbitration Procedure: A Step Forward
or a Consistency Element?

21 **Nikitin S.V.** The Subject of Judicial Protection
in Cases on Contesting Statutory Acts

27 **Kukhareva O.A., Yusupova A.N.** Simplified
Forms of the Review and Resolution of Cases Within
the Framework of the Unification of a Civil Judicial
Procedure

32 **Sosedova M.V.** The Possibility for the Application
of Artificial Intelligence in the Review of Some Civil
Cases: Predicted Justice

38 **Zaykov D.E.** The Limitation of Action in Respect
of Requirements for a Freight Forwarder: Interpretation
and Law Enforcement Issues

INSOLVENCY (BANKRUPTCY)

43 **Emaltynov A.R.** Procedural Aspects
of the Reduction of Subsidiary Liability in View
of the Disclosure of Information on Controlling
Persons

48 **Gerashimova O.A.** The Contestation of an Alimony
Agreement in a Personal Bankruptcy Case

ARBITRATION COURT

52 **Nekrasov S.Yu., Berdnikova V.V.** Modern Issues
of the Arbitrability of Disputes and Solutions

A LITTLE OF HISTORY

57 **Treskov A.P.** Principles of the Judiciary in Russia:
In Continuation of Constitutional Design

Recommended by the Supreme Attestation Commission under
the Ministry of Science and Higher Education of the Russian
Federation for publications of results of doctoral theses.

On the Place and Role of the Amicus Curiae Institution in Russian Proceedings**Selkova Anastasia A.**

Deputy Director of the Institute of State and International Law of the Ural State Law University

Senior Lecturer of the Department of Civil Procedure

PhD (Law)

In this article, the author examines the problem of understanding and functioning of the amicus curiae institution in the Russian legal proceedings. The author focuses our attention on the ambiguity assessment of the amicus curiae institution in legal doctrine. Some scientists suggest that legal opinions should be considered as written evidence. Another part of the scholars criticizes this point of view and believes that only documents containing information about the legal and factual circumstances can be considered as evidence.

In addition, the author points out the lack of uniformity in judicial practice regarding legal opinions. So, most judges refuse to accept legal opinions for consideration and attach them to the case file. At the same time, some judges deal with the presented legal opinions and refer to them in the texts of the decisions.

The author concludes about the complex and ambiguous nature of legal opinions that can be used by legal proceedings participants not only as a tool to strengthen their position in the case, but also as a mechanism of abuse of law and pressure on the court. In this regard, the author proposes to introduce certain legislative requirements for making legal opinions.

However, this author's proposal does not provide deprivation of the certain exceptional features, which are belong to legal opinions, such as objectiveness and impartiality. Due to these characteristics, author investigates the legal opinions through the aspect of their role in civil society.

Keywords: legal opinions, «amicus curiae» institute, party's position in the case, evidence, civil society.

The Implementation of Legality as the Most Important Condition of the Efficiency and Justice of Civil Proceedings**Kurochkin Sergey A.**

Associate Professor of the Department of Theory of State and Law of the Ural State Law University

PhD (Law)

A number of legal and social conditions determines the effectiveness of civil justice, the most important among them is the legality, a strict compliance by all participants of judicial activity with the provisions of substantive and procedural law. The desire to deviate from the procedure established by law in favor of "optimization" significantly reduces the effectiveness of legal proceedings. The article substantiates the rationality and cost-effectiveness of unconditional compliance with the requirements of legality when resolving disputes in court.

Keywords: civil proceedings, legality, efficiency, fairness, legal costs, legal principles.

The Meaning of the Will of the Parties in the Determination of a Court of Competent Jurisdiction in a Civil Procedure**Alekseev Andrey A.**

Associate Professor of the Department of Civil Law and Civil Proceedings of the South Ural State University (National Research University)

PhD (Law)

The article analyzes the role and place of the will of the parties in determining the competent court or other authorized to consider a civil dispute subject (arbitration court, mediator, etc.). The structure of the content of the civil procedural legal relationship arising in the application of the Institute of territorial jurisdiction is revealed. It is noted that the basis for the change of the competent court can only be the active behavior of interested persons (including the court), while their inaction contributes to the application of the General provisions of the law.

Keywords: civil procedure, procedural rights, procedural duties, will of the parties.

A Motion for the Recusal of a Judge in an Arbitration Procedure: A Step Forward or a Consistency Element?**Sidorkin Stanislav V.**

Deputy Presiding Judge of the Commercial Court of the Sverdlovsk Region

PhD (Law)

The article is devoted to a concept of recusation in commercial proceedings as it compares a legal approach for recusal of a judge which is currently in effect to a previous one. The applicable legal approach in commercial proceedings is equal to the approaches, now applied to civil proceedings, administrative pro-

ceedings and criminal proceedings. It establishes a judge to be a body to rule a motion to recuse on a basis of its reasonableness and impartiality. The former approach required other bodies to rule the motion such as a head of a court division, a deputy head of a court or even a head of a court. The main goal of the article is to show advantages and disadvantages of each approach with regard to effectiveness and propriety.

Keywords: institution of recusation, impropriety of a court, motion to recuse, recuse of a judge, regime of legality, right to enter recusation.

The Subject of Judicial Protection in Cases on Contesting Statutory Acts

Nikitin Sergey V.

Head of the Department of Civil and Administrative Proceedings of the Russian State University of Justice LL.D., Professor

The article analyses subject of judicial defense in administrative cases on contestation of normative legal acts. It considers public and private interests protectable in the courts during contestation of normative regulations. Public and private interests are distinguished. The article covers the definition and substance of legitimate interests of individuals and organizations as subject of judicial defense in the considered category of the administrative cases.

Keywords: judicial defense, subject of judicial defense, legitimate interests, normative legal acts, judicial contestation of normative legal acts.

Simplified Forms of the Review and Resolution of Cases Within the Framework of the Unification of a Civil Judicial Procedure

Kukhareva Olesya A.

Associate Professor of the Department of Arbitration Procedure of the Saratov State Law Academy PhD (Law), Associate Professor

Yusupova Asia N.

Associate Professor of the Department of Arbitration Procedure of the Saratov State Law Academy PhD (Law), Associate Professor

In the article, the authors consider the principles of unification of simplified forms and the resolution of extended forms - simplified production and ordered production within the framework of the civilized judicial process. The "procedural review" of the proceedings, the basis of which was Federal Code No. 451-ФЗ of 28 November 2019, calls for a new introduction of certain procedural instruments and the establishment of elements of unification of certain types of judicial proceedings. In connection with these authors, the substantive provisions of the criminal and simplified proceedings, the similarity and differences of the consequences in the courts of general and arbitration jurisdiction are covered. The authors also carry out an analysis of the current legislation in order to identify theoretical problems, and propose possible ways of identified problems.

Keywords: civil process, arbitral procedure, the accelerated lawsuit forms, mandative production, the order of court, the simplified production, electronic justice.

The Possibility for the Application of Artificial Intelligence in the Review of Some Civil Cases: Predicted Justice

Sosedova Marina V.

Judge of the Elets City Court

The article discusses the use in the future by the courts of the Russian Federation of artificial intelligence (hereinafter AI) - predicted justice (hereinafter PJ) - in the consideration of certain categories of civil cases. The author proceeds from an analysis of the prevailing practice of courts of general jurisdiction. Particular attention is paid to improving legislation that will facilitate the implementation of the PJ. The author substantiates the possibility of using AI when considering civil cases in respect of which PJ is possible.

Keywords: artificial intelligence, predicted justice, order proceedings.

The Limitation of Action in Respect of Requirements for a Freight Forwarder: Interpretation and Law Enforcement Issues

Zaykov Denis E.

Associate Professor of the Department of Civil Law, Private International Law and Civil Procedure of the Law Institute of the Russian University of Transport

PhD (Law)

On the basis of the analysis of civil legislation and judicial practice the article deals with the conflict of law issues of application of the Statute of limitations in disputes arising from the contract of transport expedition, as well as proposals to eliminate the existing contradictions.

Keywords: limitation period, contract of transport expedition, claim, claim.

Procedural Aspects of the Reduction of Subsidiary Liability in View of the Disclosure of Information on Controlling Persons**Emaltynov Andrey R.**

Lecturer of the Department of Civil Procedure of the Ural State Law University

PhD (Law)

The article covers some procedural aspects relief or weakening subsidiary liability if person provides assistance in disclosure information about controlling persons in bankruptcy procedure. Author points specialty of parties isolated disputes, circumstance in proof and manners of proving, legal discretions bounds.

Keywords: secondary liability, bankruptcy, evidence, nominal director, controlling persons.**The Contestation of an Alimony Agreement in a Personal Bankruptcy Case****Gerasimova Oksana A.**

Senior Lecturer of the Department of Civil Law and Procedure of the Krasnoyarsk State Agrarian University

Based on the analysis of judicial practice, the article considers the issue of challenging the agreement on payment of alimony concluded by the debtor in the bankruptcy case of a citizen. On the basis of the legal positions of arbitration courts and the Supreme Court set out the circumstances when establishing which courts recognize an agreement to pay alimony is void pursuant to articles 10 and 168 and 179 of the Civil code, articles 61.2 and 61.3 of the Federal law «On insolvency (bankruptcy)».

Keywords: bankruptcy of a citizen, a claim to collect alimony, an agreement to pay alimony, challenging a debtor's transaction, invalidating an agreement to pay alimony.**Modern Issues of the Arbitrability of Disputes and Solutions****Nekrasov Sergey Yu.**

Professor of the Department of Civil, Administrative Proceedings and Organization of Judicial Activities of the East Siberian Branch of the Russian State University of Justice, PhD (Law)

Berdnikova Valeria V.

Undergraduate Student of the East Siberian Branch of the Russian State University of Justice

The scientific article deals with modern problems of arbitrability of disputes, i.e. the possibility of resolving legal conflicts in the framework of arbitration. The authors notes that this method of dispute settlement is more typical for business relations. The article emphasizes that the Federal legislator has not formulated a legal definition of the term «arbitrability of a dispute»; it is pointed out that the criteria for identifying conflicts that may be the subject of consideration by arbitration courts have been identified by the higher courts of the Russian Federation.

Keywords: arbitration, arbitrability, arbitration proceedings, arbitration agreement, dispute resolution, arbitration court, competence.**Principles of the Judiciary in Russia: In Continuation of Constitutional Design****Treskov Aleksey P.**

Associate Professor of the Department of Theory of State and Law of the Rostov State Transport University (RSTU)

PhD (Law), Federal Judge Emeritus

The article is concerned with the principles of the judiciary in the Russian Empire constitutional drafts. Among them: project of the State Charter of the Russian Empire by N.N. Novosiltsev and P.A. Vyazemsky; draft by of the head of the Southern Decembrists' Society P.I. Pestel, called "Russian Truth". These constitutional drafts did not receive official legitimation, but has a great significance for constitutional law and historic development of Russian constitutionalism. The principles are also separated: presumption of innocence, judicial proceeding by a judge equal to the convicted by social standing, equal protection of the law and court, etc.

Keywords: principles, judiciary, court, independence, interaction, openness, Constitutional Court, constitutionalism.